

82.
Zvaigzne
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. ПЕТРА СТУЧКИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ ЛАТВИЙСКОЙ ССР

РИГА 1967

1890

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. ПЕТРА СТУЧКИ

СВ. крај. 5
Vest. u. d. av. fil. 1

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ ЛАТВИЙСКОЙ ССР

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ 82

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВЫПУСК 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗВАЙГЗНЕ»
РИГА 1967

НН / 1066

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
доктор исторических наук, профессор
М. Степерманис (ответственный ре-
дактор), канд. ист. наук, доцент В. Ка-
нале, канд. ист. наук И. Грейтянис.

Latvian University Library
1966

**ВКЛАД СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ИЗУЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
В ЛАТВИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1914—1916 гг.)**

Последнее время историки нашей республики стали уделять больше внимания изучению революционного движения в Латвии, особенно дооктябрьского периода.

Цель настоящей статьи — обзор марксистской историографии некоторых вопросов, относящихся к одному из периодов развития империализма (первой мировой войны).

Марксистские историки обратились к изучению революционного движения в Латвии в период первой мировой войны уже в военное время и продолжают его до сих пор. Хронологически все существующие работы можно разделить на три основные периода.

Первый из них — период до конца 20-х годов, когда пишут, главным образом, современники, непосредственные участники всех событий. Непосредственность воспоминаний делает эти исследования интересными и близкими к источникам. Но им недоступны другие источники, и это делает их исследования неполными.

В условиях культа личности Сталина и под влиянием его работ в первой половине и середине 30-х годов начались поиски и выпячивание ошибок социал-демократии, в результате чего некоторые авторы помимо своей воли впадают в противоречия со сказанным и написанным ими же самими в предшествующий период. Характерным для этого второго периода является обвинение латышской социал-демократии в каутскианстве. В конце 30-х годов многие революционные борцы периода первой мировой войны незаконно репрессировались, а имена их из исторической литературы вычеркиваются. По этой причине в трудах латышских советских историков до XX съезда КПСС заметно частич-

ное обезличивание. Большие затруднения вызывались тем, что атмосфера культа личности ограничивала использование архивного материала. Несмотря на все это и академическое издание Истории Латвийской ССР и труды В. Дризулиса и В. Штейнберга, вышедшие в начале 50-х годов, были свободны от принятых в 30-е годы оскорбительных для СДЛК оценок.

XX съезд КПСС развенчал культ личности Сталина и его влияние на историческую науку и положил начало третьему периоду. В историю по праву возвращены личности, в распоряжение историков предоставлены обширные архивные материалы, возникли широкие возможности для творческих дискуссий. Вместе с тем появляется ряд работ, которые освещают те или иные проблемы, относящиеся к рассматриваемому или примыкающему к нему периоду.

Первыми, кто уже в годы первой мировой войны пытался изучать деятельность СДЛК, отводя большое место ее легальной и нелегальной литературе, вышедшей в этот период, были Я. Янсон-Браун¹ и Я. Берзинь-Зиемелис². Оба автора в военное время работали и жили в Англии и могли использовать только те материалы, которые получали из Латвии. Правда, они и в военное время поддерживали тесную связь с действовавшими в Латвии социал-демократами, руководителями СДЛК, с П. Стучкой, который в то время жил и работал в Петрограде. В материалах жандармского управления Лифляндской губернии имеются два письма Я. Янсона-Брауна, написанные в начале апреля 1915 года и задержанные цензурой³. Первое из них адресовано известному партийному работнику К. Петерсону, который в то время руководил легальным издательством СДЛК «Izglitiba», а второй адресат — конспиративное лицо (письмо отправлено на почтамт до востребования), судя по содержанию, работник ЦК СДЛК. Содержание обоих писем свидетельствует о том, что Я. Янсон-Браун имел обширные связи с рижской организацией СДЛК и получал отсюда сравнительно много литературы и другой информации о событиях в Латвии. Также и у арестованного 1 марта 1916 года секретаря ЦК СДЛК Криша Стрикиса нашли письмо, написанное Я. Янсоном-Брауном, и собственноручно написанный Стрикисом ответ Я. Янсону⁴.

О связях Я. Берзиня-Зиемелиса с Латвией свидетельствует его письмо В. И. Ленину от 19/V 1915 г.⁵, где он писал: «К редакции «Социал-демократа» у нас следующая просьба:

¹ «Сіпа», № 135—138, декабрь 1915 г., стр. 41—67. В 1916 г. в Бостоне и в 1917 г. в Валмиере эта работа вышла отдельными изданиями.

² «Сборник социал-демократа», Женева, 1916, № 2, стр. 45—51. На латышском языке напечатан в «Celtne», 1935, № 8.

³ ЦГИА ЛатвССР, фонд 4568, опись 8, дело 477, л. 294—298.

⁴ ЦГИА ЛатвССР, фонд 4568, опись 1, д. 2847, л. 6.

⁵ Исторический архив, 1958, № 4, стр. 54.

прислать нам побыстрее (если возможно, в нескольких экземплярах) комплект вышедших номеров «Социал-демократа», а в дальнейшем высылать нам по 10 экземпляров каждого номера. Это — для отправки в наши края. Большой транспорт установить, конечно, для нас немислимо, но в небольшом количестве иногда посылать литературу можем». Совершенно ясно, что в небольших количествах и не полностью Я. Берзинь-Зиемелис и Я. Янсон-Браун могли получать литературу и из Латвии.

Знакомясь с обеими статьями и с упомянутыми в них листовками и литературой, видим, что в тот период авторам были доступны не только важнейшие листовки СДЛК, но и другие партийные издания. В то же время следует отметить, что по сравнению с тем, что имеется в настоящее время в распоряжении историков, все издания СДЛК им известны не были.

Оба автора высоко оценивают деятельность СДЛК, ее печать и значение в борьбе латышских трудящихся за победу принципов пролетарского интернационализма, против войны, самодержавия, национализма и шовинизма.

Проанализировав 40 изданных в первый военный год воззваний и других материалов, Янсон-Браун делает вывод: «Война правительств должна стать восстанием народов против зачинателей войны» — так свою цель обозначала наша партия в начале войны. Она ни на шаг не отступила от основ международного социализма и все свои силы сконцентрировала для достижения одной цели: выступить против народной бойни и вместе с тем поднять, объединить и организовать народные массы на свержение существующего капиталистического строя! В масштабах своего поля деятельности она с честью выполнила свой долг, и свое знамя пронесла в чистоте и неприкосновенности через все бури войны — навстречу новому, революционному интернационалу»¹.

Почти то же на основе аналогичного материала утверждает и Я. Берзинь-Зиемелис, который пишет: «Важно то, что наши товарищи сумели с самого начала занять принципиально правильную интернационалистски революционную позицию (подчеркнуто Я. Б.-З.), что они сразу же объявили ложью все разговоры об «освободительных» и всех прочих легендах и иллюзиях, что они бесстрашно разоблачали ложь правительства, буржуазии и военных властей и не только говорили, а прямо-таки кричали на весь мир ужасную «правду о войне», что на объявление войны они без колебаний провозгласили пролетарскую «войну войне», что эту «войну войне» они неизменно связывали с революционной борьбой против самодержавия. Этим они с честью исполнили свой трудный социалистический долг (подчеркнуто Я. Б.-З.). А в настоящую эпоху неслыханного идейного

¹ «Сіца», № 135—138, стр. 67.

и почти поголовного изменничества в рядах II Интернационала подобное исполнение классового долга является великой исторической заслугой перед социализмом будущего»¹.

В 1919 г. в журнале «Дарбс» была опубликована статья члена и секретаря ЦК СДЛК К. Печака «Социал-демократия Латвии в 1914—1915 гг.», которую он сам характеризует отчасти как воспоминания, а отчасти как исторический обзор первого года войны².

К. Печак анализирует деятельность СДЛК, рисует ее борьбу и успехи, останавливаясь и на некоторых недостатках, и один из первых отмечает деятельность так называемого «левого уклона». Большое место автор отводит борьбе СДЛК против оппортунистов различных мастей, войны, царизма и национализма. В отличие от предыдущих и многих последующих авторов, К. Печак подчеркивает опасность вредной деятельности партии ликвидаторов и серьезность борьбы с ними. Нужно сказать, что наибольшей заслугой его статьи является обзор и широкий анализ борьбы СДЛК против оппортунистов в период с 1914 по 1915 год.

Основные положения указанной статьи автор повторяет и в других статьях, написанных в 20-е годы.

В 1924 г. Фридрих Линде (Кашкис) пишет обширную статью о деятельности СДЛК в период первой мировой войны³. При соединяясь в целом к предыдущим авторам, он делает и ряд новых выводов. По его мнению, конкретное развязывание войны было неожиданностью для СДЛК, хотя вообще угроза войны в Европе ощущалась уже с 1912 года. Особенно характеризует Ф. Линде подъем патриотизма в начале войны: «Широкие массы населения Латвии охвачены патриотическим угаром. Причем этот массовый психоз имеет много различных оттенков, начиная с полнейшей апатии и кончая болезненно-истерическим патриотизмом. Констатированы многочисленные факты, которые, между прочим, отмечались и на X конференции СДЛК, что во многих местах, где рабочие до войны активнее всего выступали в поддержку партии, сейчас царит в лучшем случае апатия, а обычно — патриотическая ненависть к немцам.

Уже тогда партия правильно объясняла этот парадокс, видя во враждебности к немцам инстинктивную враждебность к латвийским немцам, классовое положение которых ясно каждому марксисту.

Активность, господствовавшая в рабочей среде накануне войны, инстинктивно искала выхода из образовавшегося после объявления войны затора и на время нашла его в патриотизме.

¹ «Сборник социал-демократа», 1916, № 2, стр. 51.

² К. Pečaks. Rakstu izlase. Рига, 1959, стр. 21—54.

³ Kašķis. Latvijas Komunistiskā partija pasaules karā. «Cīņas biedrs», 1924, 25. num., 75.—97. lpp.

Возможно, что этот инстинктивный массовый угар неверно было бы называть патриотизмом, понятие которого гораздо шире, но по внешним признакам у него большое сходство с последним. Партия реагировала на этот фактор так же, как и на патриотизм. Такова была обстановка в первые дни войны»¹.

В исторической литературе мысль Ф. Линде дальше не развивается. Вопрос о настроении масс в начале войны подробнее не исследовался, хотя, учитывая то, что упомянутые факты опираются на личный опыт самого автора, эта мысль заслуживала бы внимания. Автор объясняет, почему партия в начале войны не надеялась на революцию в ходе войны, причиной был массовый угар, неясное представление о продолжительности начатой войны и плачевный опыт русско-японской кампании. Все эти обстоятельства позволяли сделать вывод, что революция начнется после войны, «что последствия войны приведут народные массы к окончательному обнищанию и разорению»².

Выжидательная позиция в оценке II Интернационала, по мнению Ф. Линде, объясняется отсутствием объективной информации³. Он подробно рассматривает также и вопрос о борьбе с безработицей, отрицательно оценивая попытки организовать для этого комитет легальных обществ осенью 1914 года⁴.

Величайшей заслугой труда Ф. Линде является оценка широкого революционного движения в самом начале войны (1914 год, июль—октябрь).

Интересные мысли об аграрной программе СДЛК высказывал Э. Эферт-Клусайс в 1927 году⁵. Тщательно проанализировав развитие взглядов СДЛК на конфискацию помещичьих земель, он доказал, что в аграрном вопросе партия вплоть до революции в феврале 1917 года не выдвигала требования конфискации помещичьих земель. Автор приводит текст решения I съезда рабочих и безземельных крестьян Латвии (1917 год, 16—18 апреля), где наконец этот вопрос решается: «С установлением демократического государственного строя, который гарантирует внимание к общим интересам и освобождение пролетариата от тяжести выкупов, наступило время сделать первый шаг в этом направлении и конфисковать все частные и церковные поместья без компенсации»⁶.

Указание Клусайса служит единственным приемлемым объяснением того, что ни в одном воззвании, выпущенном ЦК СДЛК и Рижским комитетом в период первой мировой войны (до февраля 1917 года), нет лозунга о конфискации помещичьих земель,

¹ «Cīņas biedrs», 1924, 25. num., 83.—84. lpp.

² Там же, стр. 85.

³ Там же, стр. 88.

⁴ Там же, стр. 91.

⁵ *Klusais*. Latvijas bezzemnieks. «Cīņas biedrs», 1927, 5./6. num., 92.—118. lpp.

⁶ Там же, стр. 114.

а равно и каких-либо других лозунгов, связанных с решением аграрного вопроса.

Ни один из советских историков, ни до, ни после Э. Эферта-Клусайса, не касался позиции СДЛК в аграрном вопросе до Февральской революции 1917 года.

Заканчивая обзор первого периода, следует отметить выход I тома «Истории латышских стрелков» в 1928 году и сборника «ЛКП 25 лет» — в 1929 году. В первом в нескольких статьях дается оценка деятельности большевиков в стрелковых полках до Февральской революции, наиболее значительными из исследований является статья А. Фельдмана о революционерах активных полков и статья Т. Драудыня о революционной деятельности в резервном полку. Сборник «ЛКП 25 лет» не внес новых, принципиальных изменений в оценку исследуемого периода, и автор соответствующей статьи К. Печак в основном повторил положения, высказанные им в более ранних трудах.

В 1931 году в журнале «Пролетарская революция», № 6 (113) была опубликована статья И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма»¹. В 1932 году в связи с этой статьей он написал также «Ответ Алехновичу и Аристову», опубликованный в журнале «Большевик» № 16, где И. Сталин категорически утверждал, что «Ленин и ленинская партия допустили бы **принципиальную** ошибку (подчеркнуто И. С.), приняв **меньшевиков** в состав коммунистической партии хотя бы на одну минуту»². Основываясь на категорическом тоне статьи и общей атмосфере культа личности, которая обязывала признать взгляды, высказанные И. Сталиным, догмой, в трудах латышских коммунистов, посвященных истории латышской социал-демократии, авторы тенденциозно утверждали и доказывали, что СДЛК в годы первой мировой войны, поскольку в ее рядах находились меньшевики-интернационалисты, не была последовательно большевистской, что довоенные центристские ошибки ввергли СДЛК в «каутскианство», что позиция СДЛК в годы войны значительно отличалась от ленинской позиции.

Р. Баузе с такими взглядами выступал еще на VIII съезде ЛКП, указывая следующее: «В той брошюре тов. П. Стучки, где речь идет о программе партии, о партии Латвии, говорится, что с 1914 года последняя была определено большевистской. Это, по моему глубочайшему убеждению, является не только неверным, но и вредным утверждением. Чтобы в ЛКП началась самокритика, необходимо бороться со взглядами, которые проповедуют гг. П. Стучка и Ю. Данишевский, а именно, что якобы СДЛК была все время большевистской, или стала таковой с 1914 года. Мы же знаем, что меньшевики не были изгнаны из партии до 1918 года. Этот факт сам по себе уже показывает,

¹ И. В. Сталин. Собр. соч., т. 13, стр. 87.

² Там же, стр. 128.

что она, хотя и являлась революционной партией, все же не была определенно большевистской»¹.

В том же году была опубликована статья Р. Баузе², в которой, оценивая начало войны, автор характеризует легальные работы Данишевского как каутскианские и подчеркивает, что в период войны СДЛК все больше приближается к большевизму³.

В своих воспоминаниях, опубликованных в 1934 году, он в значительной мере отходит от своих прежних взглядов и говорит только о сумбуре в головах некоторых партийных интеллигентов, в том числе и Ю. Данишевского⁴, поэтому последнему за свою брошюру якобы и пришлось «выслушать совершенно обоснованные упреки в национализме»⁵.

Призыв к оценке «неудач и ошибок ЛКП на основе тех принципов, которые были выдвинуты И. В. Сталиным»⁶, в 1932 г. делает П. Вискне.

В 1936 г. К. Печак, следуя указанным догмам И. Сталина, в обширной статье значительно пересматривает свои выводы и оценки, сделанные в 1919 году⁷.

Он указывает, что в период первой мировой войны СДЛК еще не являлась составной частью РСДРП(б) (в составе СДЛК в то время были меньшевики-интернационалисты), что лозунги, выдвинутые в воззваниях и прокламациях СДЛК — «Война войне», якобы были весьма далеки от ленинских лозунгов, что СДЛК, дескать, недостаточно последовательно требовала разрыва связей со II Интернационалом и создания нового интернационала, что выраженные в документах СДЛК взгляды на экономические основы войны якобы последовательно не соответствовали положениям статей В. И. Ленина по этому вопросу, особенно его труда «Империализм как высшая стадия капитализма» (который, кстати, в первый год войны еще и не вышел), что не проводилось различия между империалистическими и национально-освободительными войнами и все войны оценены отрицательно.

К. Печак признает, что основные взгляды и деятельность СДЛК в целом все же были правильными, и это позволило

¹ LKP VIII kongress. Marts. 1931. g. Protokoli un rezolūcijas. 41.—42. lpp.

² R. Bauze. Dažas piezīmes par LKP vēsturi. «Cīņas biedrs», 1931, 9./10. num., 75.—86. lpp.

³ Там же, стр. 81.

⁴ R. Bauze. Atmiņas par manu darbību LSD Rīgas un Vidienas organizācijās 1910.—1914. gados. «Celtne», 1934, 7. num., 516.—523. lpp.

⁵ Там же, стр. 522.

⁶ P. Vīksne. Krievu-latviešu proletāriskā vienība. Biedri P. Stučku pieminot. «Celtne», 1932, 2. num., 149. lpp.

⁷ K. Pečaks. Latvijas sociāldemokrātija imperiālistiskā kara laikā. Опубликов. в «Revolucionārās cīņas kritušo piemiņas grāmatā». Т. 2. 1936, стр. 555—563.

СДЛК получить высокую оценку В. И. Ленина, однако допущенные ошибки были столь значительными, что СДЛК в этот период все же нельзя считать последовательно большевистской и ленинской.

В послевоенный период марксистские историки Советской Латвии в своих трудах больше не придерживались подобных взглядов, а после XX съезда КПСС подвергли их критике. Хотелось бы к обоснованиям этой критики добавить еще одно.

Может возникнуть вопрос: возможно, В. И. Ленин, давая высокую оценку антивоенной работе СДЛК в редакционных примечаниях к «Сборнику социал-демократа» № 2 в 1916 году, действительно не знал истинного характера и объема этой работы; возможно, Я. Берзинь-Зиемелис в статье, помещенной в том же номере, обошел недостатки СДЛК, показал эту работу в более благоприятном свете, чем на самом деле? — Нет, и еще раз нет! Только таким может быть ответ. В своей статье Я. Берзинь-Зиемелис подробно анализирует 40 нелегальных воззваний ЦК СДЛК, воззвания Рижского комитета, комитетов IV района Риги и Видиенас. Он пространно их цитирует, и все лозунги, выдвинутые в этих воззваниях, помещает в статью, отмечая, что язык листовок, формулировка политических задач и обоснования боевых лозунгов не всегда научно правильны, ибо они составлены были самими рабочими.

Как показывает произведенный Я. Берзинем-Зиемелисом анализ воззваний, выпущенных петроградскими большевиками в период войны¹, В. И. Ленин особенно большое внимание уделял именно лозунгам, выдвинутым в воззваниях.

Следовательно, В. И. Ленин был знаком с лозунгами СДЛК, видел их ошибки и недостатки и все же соглашался с уже упомянутыми редакционными примечаниями, содержащими высокую оценку деятельности СДЛК. Это свидетельствует о том, что В. И. Ленин не считал ошибки, допущенные СДЛК в период войны столь значительными и серьезными, чтобы на них останавливаться, хотя, как известно, В. И. Ленин никогда не проходил мимо ошибок принципиального характера.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что позиции СДЛК в период войны по всем главным вопросам были в достаточной мере большевистскими. Все попытки втиснуть характеристику деятельности СДЛК в догматические схемы, выдуманные И. Сталиным в начале 30-х годов, характеризовать СДЛК, как небольшевистскую партию в период первой мировой войны, обречены на полный провал.

Я. Берзинь-Зиемелис и после 1931 года в основном остался на прежних позициях. Так, в конце 1932 года он указывал, что «Брюссельский конгресс можно считать решающим моментом в

¹ Исторический архив, 1961 г., № 5, стр. 74—81.

развитии СДЛК: начиная с него СДЛК становится большевистской партией»¹. Он говорит, что в своей практической деятельности ЦК СДЛК вышел за рамки решений IV конгресса и «вел свою работу в полном соответствии с работой ЦК РСДРП». Говоря о допущенных ошибках, он пишет: «Во все последующие этапы деятельности, во время империалистической войны, буржуазно-демократической революции, особенно в ходе пролетарской революции, руководство партии допускает немало грубых ошибок как в организационной работе и тактике, так и в идеологической области, причем самыми значительными ошибками следует признать те, которые были допущены в связи с неправильной аграрной политикой в революции 1917—1918 гг. и особенно 1919 года. Все же, несмотря на эти ошибки, нужно признать, что начиная с Брюссельского конгресса СДЛК в целом стояла на позициях большевизма»².

В 1934 году он повторяет это положение в статье «О формировании большевизма в латвийском рабочем движении»³, указывая, что хотя окончательное формальное объединение с большевиками произошло в годы войны, но уже «на Брюссельском съезде партийное руководство полностью переходит в руки большевиков».

В атмосфере необоснованных репрессий во второй половине 30-х годов из рядов революционных борцов были вырваны Я. Берзинь-Зиемелис, Р. Баузе, К. Печак и многие другие преданные и видные партийные работники, на время прекращается исследование и обсуждение проблемы о позиции СДЛК в период войны.

Изучение этого вопроса возобновляется в Советской Латвии в 60-е годы.

В 1953 году выходит труд А. Дризулиса «Латвия в период империалистической войны и Февральской буржуазно-демократической революции (1914—1917 гг.)». Рассматривая революционное движение, относительно большое место автор отводит анализу содержания нелегальных воззваний партии, организационной работе партии. Небольшой объем исследования (79 страниц) не позволяет автору уделить больше внимания анализу легальных и нелегальных печатных изданий СДЛК. Это первое исследование марксиста историка-профессионала о Латвии в период первой мировой войны. Оно побуждает к дальнейшим исследованиям и дает положительный ответ на вопрос о большевистском характере СДЛК в тот период. В этой связи А. Дризулис

¹ J. Bērziņš-Ziemelis. LKP vēstures pamatjautājumi. Sakarā ar b. Staļina vēstuli. (Referāta tēzes.) «Celtne», 1932, 11. num., 1020. lpp.

² Там же.

³ «Celtne», 1934, № 7, стр. 496—500; то же в «Cīņas biedrs», 1934, № 4, стр. 90—95.

пишет: «Латышская социал-демократия уже в первые дни войны занимает большевистскую позицию против войны, подвергая разгрому ликвидаторов, оборонцев и социал-шовинистов в своих рядах... Вновь избранный на IV съезде СДЛК ЦК прочно встает на большевистские позиции»¹.

Автор указывает, что в составе партии в начале войны находились как открытые и тайные ликвидаторы, так и «группа «левых» синдикалистов»²; все же «меньшевистские и другие оппортунистические группировки, хотя и тормозили партийную работу, не смогли свернуть партию с правильного пути»³.

В 1954 году выходит монография В. Штейнберга о революционном движении в Латвии в годы первой мировой войны⁴. Автор, опираясь на источники, показывает революционное движение в указанный период в Риге, уделяя особое внимание экономическим затруднениям, вызванным войной, и их влиянию на революционное движение в Латвии. Большое место отводит автор анализу деятельности СДЛК, показывает ее связи с другими организациями и РСДРП(б). В. Штейнберг не ограничивается только упоминаниями о нелегальных печатных изданиях (приведенные им данные о количестве вышедших номеров, кстати, еще весьма неточны)⁵, а впервые после попытки Я. Янсона-Брауна в 1915 г. показывает борьбу легального органа СДЛК «Jaunais Arodnieks» против социал-шовинистов — К. Грасиса, П. Пекмана и других⁶.

Труд В. Штейнберга вызвал резкую критику В. Мишке⁷. Последний упрекает Штейнберга в недостаточно последовательной позиции в вопросе объединения СДЛК с РСДРП(б), подчеркивает, что в работе не показана борьба большевиков с примиренцами. В. Мишке особо отметил, что «в начале войны СДЛК стала составной частью ленинской партии и таким образом оформилась как большевистская партия»⁸. Особенно резко возражает он против утверждения В. Штейнберга о том, что СДЛК во второй половине 1916 года не удалось восстановить ЦК. По мнению В. Мишке, в Валмиере действовал ЦК, который полностью выполнял свои функции.

Следует присоединиться к взглядам В. Мишке и авторов более поздних исследований в той части, что созданный в Вал-

¹ A. Drizulis. *Latvija imperialistiskā kara un Februāra buržuāziski demokrātiskās revolūcijas periodā (1914.—1917.)*. Рига, 1953, стр. 13—14.

² Там же, стр. 18.

³ Там же.

⁴ В. А. Штейнберг. *Революционное движение в Латвии в период первой мировой войны и Февральской революции (1914 — март 1917)*. Рига, 1954.

⁵ В. А. Штейнберг. Указ. соч., стр. 41.

⁶ Там же, стр. 35—36.

⁷ V. Miške. *Pretēji faktiem. «Padomju Latvijas Komunisti»*, 1954, 10. num., 68.—72. lpp.

⁸ Там же, стр. 72.

миере в 1916 году ЦК сыграл видную роль в руководстве деятельностью СДЛК на неоккупированной территории Латвии. Иначе дело обстояло с влиянием ЦК на членов партии, находящихся вне Латвии. Здесь он не смог осуществлять своих руководящих функций, не мог и не пытался бороться от имени СДЛК против оппортунистической деятельности со стороны отдельных партийных работников, находящихся вне Латвии. После революции 1917 года в Москве возобновил свою работу старый ЦК. На XIII конференции СДЛК в политическом отчете тов. Я. Ленцман в этой связи указывал, что «бюро культуры взялось за воззвания не только от имени демократов, но и социал-демократов, и задумало издавать газету. Чтобы все дело революции не встало на неверные рельсы, ЦК был вынужден говорить от имени социал-демократов»¹.

К обоим упомянутым монографиям к тому периоду следует отнести еще и IX главу вышедшей в 1955 году второй части многоотомной «Истории Латвийской ССР» — «Латвия в период империалистической войны и Февральской революции», — автором которой является Т. Драудынь. В этой главе приводятся новые факты революционной деятельности СДЛК в годы войны, в том числе и распространение нелегальных прокламаций, показана большая роль В. И. Ленина в руководстве работой СДЛК в то время. Драудынь, однако, обходит молчанием вышедшие в годы войны легальные издания, как «Jaunais Arodnieks» и др., фактически ограничиваясь обзором нелегальных форм работы СДЛК.

Последствия культа личности оставили след на всех этих трудах. Имена многих деятелей СДЛК, необоснованно репрессированных в 30-е годы, замалчиваются. Вычеркиваются из истории данного периода имена таких работников, как Ю. Данишевский, К. Печак, Р. Баузе, Р. Эндруп, братья Тиесниеки и многие другие.

XX съезд КПСС, вернувший исторической науке имена оклеветанных латышских революционеров, устранил это препятствие с пути историков. Это обстоятельство, а также возможность шире использовать архивные материалы способствовали появлению ряда исследований, авторы которых, хотя и не рассматривают именно период первой мировой войны, все же отводят определенное место и проблемам, связанным с этим периодом.

В 1957 году выходит монография Т. Драудыня «Безземельные крестьяне Латвии в борьбе за землю и Советскую власть в 1917 году», где несколько страниц посвящено обзору положения сельского пролетариата и безземельных крестьян в годы войны. Выходит монография В. Штейнберга и А. Вилсона, посвящен-

¹ Партийный архив при ЦК КПЛ, фонд I, опись 4, дело I, лист. 48.

ная Я. Янсону-Брауну¹. В последней главе этого труда рассматривается деятельность Я. Янсона-Брауна в военные годы, анализируются его статьи, опубликованные в периодике, и показан его переход весной 1915 года на большевистские позиции по отношению к войне. В этом же году выходит монография П. Дзерве о П. Стучке², где около двух страниц посвящено деятельности П. Стучки в период войны и анализу его статей в легальной печати СДЛК.

Издается исследование Я. Кайминя о латышских стрелках³. В первой главе труда рассматривается вопрос о борьбе КПЛ против империалистической войны и о создании полков латышских стрелков накануне Февральской революции 1917 года. Автор сравнительно подробно характеризует деятельность СДЛК в годы войны, упоминает ее выдающихся деятелей, стремится анализировать партийную литературу. Большое внимание автор уделяет анализу партийной работы в армии. Однако целью Я. Кайминя все же не является подробный разбор и анализ содержания изданий СДЛК, показ развития взглядов СДЛК в вопросе об империалистической войне. Деятельность партии в легальных изданиях полностью выпадает из поля зрения автора.

С. Капшуков в труде «Борьба большевистской партии за армию в период первой мировой войны (1914—март 1917)» относительно широко освещает и революционную деятельность СДЛК в воинских частях, основываясь главным образом на материалах московских и ленинградских архивов.

Анализа легальной печати, в свою очередь, касаются А. Спрелис и Ю. Нетесин в своем совместном исследовании, посвященном латвийскому профдвижению⁴. Авторы указывают на деятельность и значение легального журнала «Jaunais Arodnieks» в борьбе против оборонцев, однако подробнее его не анализируют. В русском издании работы допущена и фактическая ошибка при указании, что журнал «Neue Baltische Bucharbeiter» вышел на немецком языке в 1915 году⁵. Как известно, этот журнал выходил на русском и немецком языках только до 15 июля 1914 года. В латышском издании указывается, что «Jaunais Arodnieks» был последним легальным профсоюзным из-

¹ V. Steinbergs. A. Vilsons. J. Jansona-Brauna dzīve, Rīga, 1957.

² P. Dzērve. Pēteris Stučka, Rīga, 1957.

³ J. Kaimiņš. Latviešu strēlnieki cīņā par Oktobra revolūcijas uzvaru (1917.—1918.), Rīga, 1957.

Я. Кайминь, Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции (1917—1918), Рига, 1961.

⁴ А. Спрелис, Ю. Нетесин. Профсоюзное движение в Латвии до Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1958. A. Spreslīš, J. Netisins. Proletariāta interešu sardzē, Rīgā, 1960.

⁵ А. Спрелис, Ю. Нетесин. Указ. соч., стр. 84.

данием в годы войны¹, что тоже не совсем точно, так как после его закрытия в мае—июне 1915 года вышли два номера журнала «Рабочий печатного дела».

В 1960 г. выходит исследование Т. Драудыня о латышских стрелках «Боевой путь латышской стрелковой дивизии в дни Октября и в годы гражданской войны (1917—1920)». Введение автор посвящает вопросу создания стрелковых полков и их боев в 1915 и 1916 годах, отводя особое место анализу состава полков.

VI глава первой части «Очерков по истории Коммунистической партии Латвии» посвящена деятельности СДЛК в годы первой мировой войны². В ней синтезированы и объединены результаты всех исследований по этому вопросу. Из всех работ, посвященных революционному движению в военные годы, эту главу пока что следует считать наиболее полной. Коллектив авторов «Очерков» проделал большую работу по обобщению фактов и их анализу. Очень хорошо в этой главе показана организационная работа партии, ее борьба против войны, буржуазного национализма и оборонцев.

В «Очерках» впервые подробно анализируется партийная работа в оккупированной немцами Курземе в 1915—1916 годах, показана работа ЦК СДЛК во время войны, раскрыто назревание революционного кризиса в неоккупированной части Латвии в конце 1916 и начале 1917 года. В «Очерках» высказывается определенная точка зрения и по вопросу деятельности ЦК СДЛК во второй половине 1916 и в начале 1917 г.: «Однако война и непрекращавшиеся репрессии ослабили Социал-демократию и фактически парализовали деятельность ее ЦК»³.

В 1961 году автор этих строк опубликовал статью, посвященную легальной печати СДЛК в годы войны⁴, где впервые была сделана попытка анализировать почти все издания легальной печати СДЛК. В 1963 г. И. Апине (Рутмане) опубликовала статью о борьбе П. Стучки против проявлений буржуазного национализма в СДЛК в годы нового революционного подъема, в конце которой довольно подробно анализируется помещенная в ежегоднике «Mūsu kalendārs 1915. gadam» статья П. Стучки «Победа национализма»⁵.

¹ *Ā. Sprelīšs, J. Neļjosīns. Proletariāta interešu sardzē*, Рига, 1960, стр. 95.

² *Latvijas Komunistiskās partijas vēstures apcerējumi*, I. d., Рига, 1961, 240—274.

³ Очерки истории Коммунистической партии Латвии. Ч. I, Рига, 1962, стр. 312.

⁴ *O. Niedre. LSD legālā prese pirmā pasaules kara laikā (1914.—1915. g.)*. Pēteris Stučka Latvijas Valsts universitātes Zinātniskie raksti. Т. 40, Рига, 1961, стр. 115—142.

⁵ *И. Апине. Борьба П. И. Стучки против проявления буржуазного национализма в СДЛК в годы нового революционного подъема. Ученые записки Латвийского государственного университета им. П. Стучки*. Т. 50, Рига, 1963, стр. 3—19.

В. Штейнберг в своем исследовании, посвященном философским взглядам Я. Янсона-Брауна¹, приводит новые факты о его публицистической деятельности в годы первой мировой войны, вводя в историческую литературу не известные до сих пор работы Я. Янсона-Брауна, выступавшего против социал-шовинистов в защиту ленинских позиций, за создание III Интернационала.

В последнее время возрос интерес к деятельности латышских социал-демократов и в других областях России², где в связи с эвакуацией промышленности и другими обстоятельствами работало много латышских большевиков, деятельность которых, несомненно, имела известное значение для развития революционного движения в Латвии (в этой связи вопрос пока что еще не исследован).

Несмотря на видные достижения советской исторической науки в исследовании проблем еще много «белых пятен», много спорных, нерешенных вопросов.

Как видно из предыдущего, в 30-е годы многие авторы утверждали и старались доказать, что СДЛК в годы войны не была большевистской. Полное единодушие по этому вопросу пока еще не достигнуто. Историки нашей республики после XX съезда КПСС признают принадлежность СДЛК к РСДРП(б), ее большевистский характер.

Так, А. Апине (Рутмане) в 1957 году писала: «Берлинское совещание руководящих работников СДЛК, состоявшееся в августе 1914 года, и X конференция СДЛК, состоявшаяся в августе 1914 года, приняли решение о немедленном организованном объединении с РСДРП(б). СДЛК примкнула к большевистской РСДРП и все годы войны выступала единым фронтом с большевистской партией против империалистической войны и социал-шовинизма»³.

Описывая X конференцию СДЛК, авторы очерков истории КП Латвии еще определеннее говорят об этом: «Конференция признала, что Социал-демократия Латышского края должна также организационно присоединиться к партии большевиков и немедленно установить контакт с ее руководящими центрами. Первым мероприятием, в котором СДЛК участвовала как составная часть большевистской партии, была конференция, со-

¹ V. Steinbergs. J. Jansona-Brauna filozofiskie uzskati. Rīga, 1964.

² См. напр. V. J. Rajeviskis, KSDSP(b) «Tveras grupa», Pēterā Stučkas Latvijas Valsts universitātes Zinātniskie raksti, XXXIV, Rīga, 1960, стр. 95—107.

³ В. Суздальцев. Рабочее движение на заводе «Всеобщей Компании электричества в годы первой мировой войны. «Проблемы истории», VI, Рига, 1962, стр. 199—239. L. Dribins. Zem proletāriskā internacionālisma karoga, «Padomju Latvijas Komunisti», 1963, num. 6, 33.—39. lpp.

⁴ И. Рутмане. IV съезд социал-демократии Латышского края — переломный момент в процессе окончательного оформления марксистской партии нового типа в Латвии. Ученые записки Латвийского государственного университета, т. 16, Рига, 1957, стр. 146.

званная большевиками — депутатами IV Государственной думы, состоявшаяся 2—4 ноября 1914 года в Озерках под Петроградом. На эту конференцию прибыли делегаты ряда большевистских организаций, в том числе и представитель СДЛК Ф. Линде. Присоединение к большевистской партии открыло новую страницу в истории социал-демократии Латышского края¹.

Так же определенно Е. Рипа и И. Апине (Рутмане) повторяют эту мысль в своем новом исследовании: «Все годы войны СДЛК и идейно, и организационно была тесно связана с РСДРП(б) и действовала в единстве с последней»².

Многие советские историки, касаясь этого вопроса, полностью согласны с упомянутыми историками нашей республики. Так, историк И. Дажина, которая много сделала для исследования нелегальной литературы в годы первой мировой войны, пишет: «Как составная часть основанной В. И. Лениным РСДРП, работала в годы первой мировой войны социал-демократия Латышского края (СДЛК)»³. В изданном в 1963 г. исследовании коллектива авторов, посвященном партии большевиков в годы первой мировой войны, говорится: «Во время войны активную деятельность за реализацию ленинских указаний развернула партийная организация Латышского края, насчитывавшая в 1914 году 1364 члена партии. Эта организация занимала особое положение в партии, имела свой Центральный Комитет, строила свою работу в соответствии со спецификой исторического и экономического развития Прибалтики, но прочно стояла на позициях интернационализма»⁴.

Следовательно, подавляющее большинство историков признает, что СДЛК в годы войны являлась составной частью РСДРП(б), была связана с ней не только идейно, но и организационно.

Однако есть и такие историки, которые в письменной или устной форме отрицают организационную, или, как они выражаются, «формальную» принадлежность СДЛК к РСДРП(б), утверждая, что подобное формальное объединение произошло лишь в 1917 году, на V съезде СДЛК и VI съезде РСДРП(б). Так, Я. Темкин пишет, что в годы войны «Упорную и настойчивую пропаганду против войны вели партийные организации Латвии, формально не входившие в РСДРП»⁵.

¹ Очерки истории Коммунистической партии Латвии. Ч. I, Рига, 1962, стр. 281.

² J. Rīpa un I. Apīne. Jaunie revolucionārie uzplūdi Latvijā (1910—1914), Рига, 1964, стр. 218.

³ И. Дажина. О нелегальной большевистской печати в годы первой мировой войны. «Вопросы истории КПСС», 1961, № 2, стр. 122.

⁴ Партия большевиков в годы первой мировой войны. Свержение монархии в России. М., 1963, стр. 157.

⁵ Я. Темкин. Большевики в борьбе за демократический мир (1914—1918 гг.), М., 1957, стр. 111.

Косвенно к этим взглядам примыкает и М. Москалев, который указывает, что во время войны «окрепло интернационалистическое крыло среди латышских социал-демократов»¹.

Эти взгляды нашли сторонников и на конференции в Риге, которая была посвящена обсуждению макета первой части «Очерков истории КП Латвии», а также на многих других научных конференциях всесоюзного масштаба. Защитники этих взглядов своих аргументов в письменном виде не представляли, а в устных выступлениях опирались на некоторые материалы VI съезда РСДРП. Так, делегат рижской организации СДЛК А. М. Дижбите, выступая с сообщением о положении в Латвии, говорил следующее: «Товарищи, социал-демократия Прибалтийского края формально не была связана ни с ЦК, ни с ОК и все время висела в воздухе. Но сама жизнь заставила нашу партию связаться с ЦК, и теперь, на последнем, V съезде, который был 21 июля, и формально постановлено официально присоединиться к Центральному Комитету. Часть меньшевиков-интернационалистов протестовала против объединения, но большинство представителей не обратило на это внимания, потому что фактически мы и раньше, с самого начала войны, были связаны с Центральным Комитетом»².

Верно ли А. М. Дижбите прокомментировал решения V съезда СДЛК? В этом решении «Об отношениях к Российской социал-демократической рабочей партии» было сказано: «Рассмотрев вопрос об отношении к Российской социал-демократической рабочей партии, V съезд социал-демократии Латвии признает объединение с Российской социал-демократической рабочей партией (Центральным Комитетом) необходимым и действии Центрального Комитета социал-демократии Латвии, вызывавшиеся в посылке своего представителя в Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии, правильными...»³.

Следовательно, в решении не рассматривается снова вопрос об объединении, который уже был положительно решен в 1914 году на X конференции СДЛК, но утверждается лишь это решение, поскольку последнее отличалось от предыдущего, принятого на IV (Брюссельском) съезде СДЛК (январь 1914 г.) решения об отношениях между РСДРП и СДЛК.

Обычно некоторые советские историки (Я. Темкин и др.) выдвигают аргумент, что якобы до сих пор еще не установлено, когда РСДРП(б) приняла СДЛК в свой состав. В этой связи хотелось бы указать на решение VI (Пражской) конференции

¹ М. Москалев. Бюро Центрального Комитета РСДРП в России (август 1903 — март 1917), М., 1964, стр. 256.

² Шестой съезд РСДРП(б), август 1917 года. Протоколы, М., 1958, стр. 86.

³ Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un SK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, ч. I (1904—1940), Рига, 1958, стр. 154.

РСДРП(б) «Об отсутствии делегатов от национальных центров на общепартийной конференции», где сказано: «Конференция возлагает всю ответственность за неявку «националов» на их центры и поручает ЦК РСДРП неустанно добиваться единства и установления нормальных отношений с национальными организациями, входящими в РСДРП.

Конференция выражает свою уверенность, что вопреки всем препятствиям рабочие с.-д. всех национальностей России будут дружно и рука об руку бороться за пролетарское дело и против всех врагов рабочего класса»¹. Выполняя это решение, Российское бюро ЦК РСДРП(б) на Всероссийском совещании в Озерках в 1914 году признало полномочия Ф. Линде как представителя местной организации².

Следовательно, решение X конференции СДЛК об организационном объединении с ЦК РСДРП(б) Российское бюро последнего признало не позднее, чем на совещании в Озерках в начале ноября 1914 года.

Последний пример показывает, что дальнейшие исследования деятельности СДЛК в годы первой мировой войны более чем необходимы. В работах историков многие проблемы вообще не затронуты. Так, никто пока еще не пытался проследить развитие взглядов СДЛК по многим вопросам внутреннего и внешнего характера (вопросам войны, безработицы и др.), что лучше всего можно было бы сделать, тщательно проанализировав материалы легальных и нелегальных изданий СДЛК.

Ни один из исследователей пока не осветил деятельность эсеров в Латвии в указанный период, не проанализировал их издания и структуру организации: нет даже ясного представления об организациях эсеров и бундовцев и их отношения к деятельности большевиков.

Все эти и многие другие проблемы ждут своего разрешения, и нет никакого сомнения, что историки Советской Латвии выполнят эту ответственную задачу.

¹ КПСС в резолюциях и решениях, ч. I, М., 1954, стр. 270—271.

² Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. М., 1954, стр. 278.

ПОСЛЕВОЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РОЛИ ЦЕРКВИ И РЕЛИГИИ ПРИ ЗАВОЕВАНИИ ПРИБАЛТИКИ В XIII ВЕКЕ

Современная империалистическая буржуазия, мечтающая о ликвидации коммунистического мира, о новом крестовом походе против Советского Союза и стран социализма, ищет оправдания своим бредовым мечтам в прошлом, нуждается в историческом «фундаменте» для своих реакционных устремлений. Многие буржуазные историки охотно оказывают им услуги путем фальсификации исторического прошлого и приспособления своих исторических концепций к нуждам современной реакции. Потоки лжи и клеветы на Советский Союз и его политику, на настоящее и прошлое советских народов и народов стран социалистического лагеря льются со страниц многочисленных «научных» журналов Запада.

Первое место в этой области принадлежит Западной Германии и США. В Западной Германии фальсификация истории, имеющая давние традиции националистического и фашистского толка, получила в послевоенные годы новую — реваншистскую пищу. Здесь, как нигде, процветает гнусная клевета на народы Советского Союза и на их прошлое. Другим центром антисоветской исторической пропаганды является Ватикан со своими многочисленными «научными» институтами, печатными органами и агентурой в научном мире всего Запада в лице клерикальных историков.

Антисоветская и антимарксистская направленность современной буржуазной историографии находит яркое выражение в освещении ею истории завоевания Прибалтики немецкими агрессорами в XIII в. Эта тема является одним из краеугольных камней истории латышского и эстонского народов, над которым ломали копы историки различных направлений. В свое время ею воспользовались немецкие бароны для оправдания своих притязаний на земли латышей и эстонцев, так же поступила и латышская буржуазная историография для построения своих националистических концепций. Сегодня она вновь выдвигается реакционными историками всех мастей для «обоснования» реваншистских и антикоммунистических планов.

В послевоенные годы наибольшее количество исторических трудов на данную тему появилось в Западной Германии. Это не случайное и не изолированное явление. Проблемами прошлого и настоящего народов Восточной и частично Центральной Европы занимается целая отрасль науки, объединяющая как историков, так и философов, социологов, экономистов, правоведов и других специалистов, известная под названием «остфоршунг», т. е. изучение Востока.

Ученые Советского Союза, Польши и Германской Демократической Республики уделяют большое внимание разоблачению истинного лица остфоршунга. В целом ряде статей, книг и выступлений они путем глубокого анализа основных взглядов и направлений остфоршунга неопровержимо доказали его неофашистскую, реваншистскую, антикоммунистическую природу, раскрыли роль остфоршеров как орудия империалистической реакции, охарактеризовали остфоршунг как часть психологической войны против стран социалистического лагеря¹.

Истинное лицо остфоршеров отчетливо отражается в трактовке вопроса о завоевании немцами в средние века западнославянских земель к востоку от Эльбы, Пруссии и Прибалтики.

Наряду с историками, до сих пор стоявшими на позициях ничем не прикрытого шовинизма и расизма, унаследованных от довоенной империалистической и фашистской историографии, большая часть современных остфоршеров заявляет о своем якобы враждебном отношении к расизму и национализму и о новой выдвинутой ими концепции. Последняя сводится к тому, что Востоку (т. е. России) в средние века противопоставляется некая единая Западная Европа, в которую включаются и Центральная и частично Восточная Европа (Польша, Чехословакия, Прибалтика). Немецкая агрессия на Восток объявляется обще-европейской акцией, в которой участвовали французы, англичане, итальянцы, а немцы играли ведущую роль лишь благодаря своему соседству со славянами. Агрессии, как таковой, вовсе не

¹ Т. Ю. Григорьянц. Остфоршунг и остфоршеры. «Славяно-германские исследования», М., 1963; М. Р. Тульчинский. Адвокаты реванша. М., 1963; Возрождаемое прошлое. «История СССР», 1964, № 4; С. Д. Сказкин и Я. С. Драбкин. Критика западногерманской историографии «изучения Востока». «Вопросы истории», 1964, № 11; F. H. Gentzen. Die Ostforschung westdeutscher Historiker — eine Hetze gegen die Sowjetunion und Volkspolen. — «Einheit», 1955, H. 12; K. K. Wohlgenuth. Überblick über die Organisation und Rolle der imperialistischen Ostforschung im Bonner Staat. «Dokumentation der Zeit», 1958, H. 180. F. Gentzen, J. Kalisch, G. Voigt, E. Wolfgramm. Die Ostforschung — ein Stoßtrupp des deutschen Imperialismus. — «Zeitschrift f. Geschichtswiss.», 1958, H. 6.; B. Spiru. Ostforscher-Ostfälscher-Ostfahrer. «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas». Bd. 3, Berlin, 1959; R. Goguel. Über Ziele und Methoden der Ostforschung. «Ostforschung und Slawistik», Berlin, 1960; F. H. Gentzen, E. Wolfgramm. Ostforscher-Ostforschung. Berlin, 1960, и др.

существовало, а «движение на Восток» было якобы ответным действием Запада против опасности, угрожающей славянам и народам Прибалтики с Востока. «Движение на Восток» было-де мирным процессом, и такими же мирными были якобы взаимоотношения немцев с покоренными ими народами. Остфоршеры говорят даже о некоей «общности судеб» немцев со славянами и прибалтийскими народами. Не отрицая культурных достижений завоеванных народов, они тем не менее изображают немцев благодетелями, принесшими славянам и прибалтийским народам не только высшую культуру, но и свободу (1)¹.

Ничего нового в этой концепции нет. Ее классовая и политическая сущность очевидна: современные агрессивные, антикоммунистические и реваншистские цели немецкого империализма находят соответствующее обоснование в историческом прошлом. Лишь в силу сложившихся в результате второй мировой войны изменений в расстановке политических сил во всем мире и в результате успехов марксистской исторической науки наиболее дальновидные остфоршеры отказались от открытого провозглашения реакционных взглядов. Пользуясь новыми тактическими приемами, более гибкими и лучше приспособленными к сегодняшнему дню, они ловко прикрывают реакционный характер своей концепции.

Позиции современных остфоршеров по вопросу о немецкой агрессии на Восток подверглись обстоятельной критике в целом ряде работ советских и зарубежных марксистских историков². Однако вопрос об оценке остфоршерами роли религии и церкви в средневековой агрессии на Восток в этих работах не получил специального освещения. Между тем именно в данном вопросе особенно отчетливо раскрываются истинные политические

¹ *H. Aubin*. An einem neuen Anfang der Ostforschung. «Zeitschrift f. Ostforsch.», 1952, Н. 1; *Fr. Gause*. Deutsch-slavische Schicksalsgemeinschaft. 2. Aufl., Kitzingen/Main, 1953; *M. Hellmann*. Рецензия на: *H. Ludat*. Der europäische Osten in abendländischer und sowjetischer Sicht, Köln—Braunsfeld, 1954. «Zeitschr. f. Ostforsch.», 1956; Н. 1. *W. Hubatsch*. Quellen zur Geschichte des Deutschen Ordens. Göttingen—Frankfurt—Berlin, 1954; *W. Schlesinger*. Die geschichtliche Stellung der mittelalterlichen deutschen Ostbewegung. «Historische Zeitschr.», Bd. 183, Н. 3, 1957, и др.

² *В. Т. Пауто*. Так называемое «изучение Востока» — идеология западногерманского фашизма. «Вопросы истории», 1959, № 3; *В. Т. Пауто*, *В. И. Салов*, *А. Л. Хорошкевич*. Против фальсификации истории нашей Родины. М., 1961. *В. П. Шушарин*. Западногерманская историография русского феодализма. «Славяно-германские исследования», М., 1963. *I. Hagemann*. Die mittelalterliche deutsche Ostexpansion und die Adenauersche Außenpolitik. «Zeitschr. f. Geschichtswiss.», 1958, Н. 4; *M. Unger*. Bernhard von Clairvaux und der Slawenkreuzzug 1147. «Zeitschr. f. Geschichtswiss.», 1959, Н. 1; *Th. Büttner*. Abendlandideologie und Neu-Karolingertum im Dienste der Adenauer CDU. «Zeitschr. f. Geschichtswiss.», 1959, Н. 8; *W. Mägdefrau*. Heinrich von Treitschke und die imperialistische Ostforschung. «Zeitschr. f. Geschichtswiss.», 1963, Н. 8.

устремления современных остфоршеров и обнаруживаются их старания фальсифицировать историю.

Дело в том, что одним из излюбленных приемов остфоршеров является маскировка агрессивных намерений немецких завоевателей религиозными мотивами. Вместе с тем они восхваляют и идеализируют роль церкви, ее учреждений и представителей.

Буржуазная историография и прежде уделяла большое внимание религии и церкви в немецкой агрессии на Восток, но сегодня эта роль акцентируется ею с гораздо большей силой и рассматривается зачастую в совершенно новом, современном аспекте. Так пресловутое «западное единство», о котором охотно говорят остфоршеры, мыслится как христианско-западное единство или как христианская общность. «Крупнейшей силой в смысле западной общности были христианство и церковь», заявляет Г. Аубин¹. Современные остфоршеры говорят не просто о западной культуре, а о христианской западной культуре, носителем которой была и есть католическая церковь². «Христианская культура стала одной из важнейших основ современной европейской культурной общности», заявляет Ф. Беннингховен³.

В противоречиях между Западом и Востоком (Россией) в средние века остфоршеры видят лишь религиозные противоречия. Столкновения между немцами и славяно-прибалтийскими народами они сводят к борьбе между христианами и язычниками⁴.

Другими словами, скомпрометировавший себя расизм и немецкий шовинизм заменяются религией — гораздо более удобным средством оправдания агрессии, насилия, завоевания и даже истребления народов. Сегодня выгоднее говорить о гармонии интересов церкви и немецких феодалов, нежели повторять популярный в фашистской историографии тезис о том, что курия мешала немцам осуществить свои задачи в Прибалтике⁵. Как тут не вспомнить о том, что и сегодня клерикалы — политики Западной Германии уготовили католической церкви роль объединителя Запада в борьбе с коммунизмом.

Вопрос о роли церкви в агрессивной политике немецких феодалов на Востоке и о политике самой курии получил должное освещение в советской историографии, доказавшей, что крестовые походы против славян и прибалтийских народов являются одним из звеньев того военно-колониационного движения, ко-

¹ *H. Aubin. Zwischen Altertum und Neuzeit. Einheit und Vielheit im Aufbau des mittelalterlichen Abendlandes. «Schicksalswege deutscher Vergangenheit».* Düsseldorf, 1950, S. 40. Ср. также H. Aubin «An einem neuen Anfang...», S. 6.

² *Th. Büttner. Abendlandsideologie...* S. 1812—1813.

³ *Fr. Benninghoven.* Рецензия на книгу A. v. Transehe-Roseneck. *Die ritterlichen Livlandfahrer des 13. Jahrhunderts.* Hrsg. W. Lenz. Würzburg, 1960. «Zeitschr. f. Ostforsch.», 1961, H. 4, S. 746.

⁴ *Fr. Gause. Deutsch-slavische Schicksalsgemeinschaft.* S. 40; *W. Hubatsch. Quellen zur Geschichte...*, S. 10.

⁵ *E. Hering. Der deutsche Ritterorden.* Leipzig, 1943, S. 80, 130 и др.

торое развернулось в XI—XIII вв. в Западной Европе и в котором участвовали все слои населения во главе с католической церковью.

Советские историки показали ту гнусную роль, которую играла церковь, вдохновляя крестоносцев на грабеж, насилие и захват чужих территорий. За кровь и страдания людей церковь несет не меньшую ответственность, чем немецкие рыцари.

Советские историки разоблачили лицемерную политику римских пап, выдававших себя за защитников бедных, обездоленных и «вновь обращенных», а в действительности освящавших любые злодеяния крестоносцев. Они показали, что папство и духовенство отнюдь не стремились лишь к распространению христианской религии, как это пытаются утверждать буржуазные историки всех мастей, а имели в виду чисто материальные блага: увеличение доходов церкви и рост ее политического влияния. Папы пользовались не только духовными, но и политическими и военными средствами борьбы.

В последние годы советские и зарубежные марксистские историки во всей полноте раскрыли агрессивные намерения папства в отношении России и показали, что его активность в XIII в. в Прибалтике была составной частью широких планов подчинения духовной и политической диктатуре Римской курии всей территории Восточной Европы. Тевтонский орден — ударная военная и дипломатическая сила курии в Прибалтике — не решил бы своей задачи без ее организационной и идеологической помощи. Утверждение немецких крестоносцев в Прибалтике явилось успехом курии¹.

Буржуазные историки в силу своей методологической ограниченности и политической тенденциозности не могут и не хотят объективно и правдиво осветить вышеуказанные явления.

Так, например, они говорят о чисто религиозных намерениях церкви. Другими словами, епископы, Орден и сам папа не преследовали якобы никаких захватнических целей, а единственным их устремлением было распространение христианской веры. Большая часть буржуазных историков вообще отрицает всякое насилие при этом «распространении христианства» или же старается отмежевать деятельность церкви от всяких насильственных методов, применявшихся в борьбе со славяно-прибалтийскими народами. Ввиду того, что такого рода взгляды явно

¹ В. Т. Паушто. О политике папской курии на Руси (XIII в.). «Вопросы истории», 1949, № 5; Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956; Образование Литовского государства. М., 1959, И. П. Шаскольский. Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии 1240—1242 гг. против России. «Исторические записки», XXXVII, 1951; В. Я. Рамм. Три этапа папской экспансии против Руси в X—XV вв. «Ежегодник музея истории религии и атеизма», т. II, 1958; Папство и Русь. М., 1959; E. Winter. Rußland und das Papsttum. Bd. I—II, Berlin, 1960—1961.

противоречат свидетельствам источников, буржуазные историки прибегают к разного рода ухищрениям и фальсификациям. Отличия точек зрения сводятся обычно к разным способам фальсификации источников, к умышленному забвению фактов и к акцентированию той или иной силы, участвовавшей в агрессии.

Но как бы отдельные авторы ни расходились во взглядах на частные вопросы или в оценке того или другого конкретного явления, общий смысл их концепции сводится к одному: к восхвалению церкви и ее роли в германской агрессии на Восток.

В том сравнительно большом потоке статей и монографий, посвященных непосредственно данному вопросу или касавшихся его в той или иной мере, можно отчетливо выделить некоторые основные течения. Одно из них наиболее точно отражает вышеохарактеризованные новые тенденции в современной западногерманской историографии. Оно представлено целым рядом работ остфоршеров, посвященных вопросу церковной миссии и деятельности Немецкого ордена в Пруссии и Прибалтике. Эти работы проникнуты сугубо клерикальным духом и отличаются стремлением реабилитировать церковь и доказать, будто церковная деятельность носила сугубо мирный характер. Вполне в традиционном духе немецкой историографии они оставляют римскую курию на заднем плане и выдвигают на первое место деятельность Ордена или епископов. Но в то же самое время Орден более не изображается как олицетворение чисто немецкого духа, а как «европейское явление эпохи крестовых походов»¹. Излюбленным средством реабилитации церкви служит искусственное разделение между «миссией мира» и «миссией меча». Вопрос этот не нов, он выдвигался еще в XIX в., но никогда не обсуждался так оживленно, как в наши дни.

Наиболее показательными для этого направления в буржуазной историографии являются три статьи Ганса-Дитриха Каля и одна статья Эриха Вейзе, опубликованные в журнале «Zeitschrift für Ostforschung»².

Основной тезис Каля сводится к тому, что немецкие миссионеры в средние века при обращении в христианство славянских

¹ W. Hubatsch. Neue Wege der Deutschordens-Forschung. «Zeitschr. f. Ostforsch.», 1956, H. 4, S. 562.

² H. D. Kahl. Zum Geist der deutschen Slawenmission des Hochmittelalters. «Zeitschr. f. Ostforsch.», 1953, H. 1; Idem. Compellere intrare. Die Wendepolitik Bruns von Querfurt im Lichte hochmittelalterlichen Missions- und Völkerrechts. T. I—II. «Zeitschr. f. Ostforsch.», 1955, H. 2, 3. Idem. Die völkerrechtliche Lösung der «Heidenfrage» bei Paulus Vladimiri von Krakau († 1435) und ihre problemgeschichtliche Einordnung. «Zeitschr. f. Ostforsch.», 1958, H. 2; E. Weise. Der Heidenkampf des Deutschen Ordens. «Zeitschr. f. Ostforsch.», 1963, H. 3, 4; 1964, H. 3.

и прибалтийских народов не осуществляли никакого насилия. Однако Г.-Д. Каль понимает, что нельзя голословно отрицать общеизвестные факты насилия. Как верный ученик средневековых богословов, он изворачивается при помощи чисто схоластических методов. Вместо того, чтобы обратиться к историческим фактам, он оперирует теориями средневековых богословов. Оказывается, миссионерская деятельность имеет две задачи: искоренение язычества, т. е. негативную задачу, и внедрение христианства, т. е. позитивную задачу. Первая допускает применение насилия, вторая исключает его. Это деление восходит еще к блаженному Августину и поддерживалось средневековыми теоретиками¹.

Наряду с этим средневековые богословы делили войны, связанные с миссией (*Missionskrieg*), на косвенные и прямые. «Косвенная миссия» сводилась к распространению насильственными средствами господства христиан на землях язычников с тем, чтобы впоследствии можно было беспрепятственно насаждать христианство среди населения мирными средствами². В связи с этим Каль заявляет, что насилия при этой акции якобы являются вымыслом, возникшим лишь потому, что историки до сих пор недостаточно разобрались в отличиях между позитивными и негативными целями миссии³.

Так реакционный историк наших дней воскрешает схоластические рассуждения средневековых богословов ради защиты церкви и ее деятельности в прошлом.

Но были, оказывается, и исключения из общего правила. Наряду с «косвенной миссией» существовала еще и «прямая миссия» (*der direkte Missionskrieg*), отличавшаяся тем, что проводилась под лозунгом «крещение или смерть», выдвинутым впервые Бернаром Клервоским⁴. Таким исключением был, оказывается, крестовый поход 1147 года против славян, а также деятельность Ордена меченосцев в Прибалтике в XIII в.⁵

Но, испугавшись, видно, что этим признанием он бросил тень на церковь, Г.-Д. Каль спешит добавить, что за исключением случая с Бернаром Клервоским, нарушителями правила были носители государственной власти, использовавшие идею миссии в своих политических целях⁶. Таким образом, получается, что и Орден меченосцев был политическим учреждением.

И наконец, чтобы не обидеть национальные чувства своих

¹ *H. D. Kahl. Zum Geist ...*, S. 2—4. *Idem. Die völkerrechtliche Lösung ...*, T. I, S. 180.

² *H. D. Kahl. Zum Geist ...*, S. 4.

³ *Ibidem*, S. 14.

⁴ *H. D. Kahl. Zum Geist ...*, S. 4. *Idem. Die völkerrechtliche Lösung ...*, S. 180. *Idem. Compellere intrare ...*, T. I, S. 171—172.

⁵ *H. D. Kahl. Die völkerrechtliche Lösung ...*, S. 180.

⁶ *Ibidem*, S. 181.

немецких читателей, Г.-Д. Каль уверяет их, будто идея «прямой миссии», вообще не была популярна в Германии¹.

Только в одном случае церковь якобы допускала насильственные действия в борьбе с язычниками: когда для поддержания церковной дисциплины приходилось бороться с лицами, отпавшими от христианской веры².

Итак, для доказательств своего тезиса Г.-Д. Каль исходит из более чем сомнительного предположения, что практика соответствовала теории: факты интересуют его мало. Можно было не вдаваться в тонкости схоластического и антиисторического мышления Каля, если бы оно не было столь характерным для реакционной буржуазной историографии наших дней и столь явно не свидетельствовало о его полном методологическом бесилии и фальсификаторских ухищрениях.

Концепция Г.-Д. Каля поддерживается и развивается в работе Э. Вейзе «Борьба Немецкого ордена с язычниками». Автор категорически отвергает точку зрения о насильственной миссии и утверждает, что миссия предусматривала добровольное принятие христианства. Миссия находилась в руках папы и осуществлялась им через епископов. Такими посланцами мирной папской миссии были епископ Христиан в Пруссии, Мейнард, Бертольд и Альберт в Ливонии. Миссия, кроме того, предусматривала защиту личной свободы вновь окрещенных, что находило якобы наиболее яркое воплощение в Кишпорском договоре 1249 года. Однако мирная миссия столкнулась с агрессивней местных язычников, которые яростно нападали на своих же соплеменников, принявших христианство. Поэтому для защиты христиан понадобился меч крестоносцев³. Другими словами, епископ Альберт призвал крестоносцев в Ливонию для защиты христиан. Тевтонский орден был призван в Пруссию, а в Ливонии был создан Орден меченосцев исключительно для отпора агрессии. Насилие со стороны крестоносцев автором не отрицается⁴, но оно якобы оправдывалось тем, что Орден занимался не миссией, а борьбой с язычниками. «Борьба Ордена с язычниками не является насильственной миссией», заявляет Вейзе⁵. Орден своей «героической борьбой» расчищал путь миссии и поддерживал ее. И поэтому, по словам Э. Вейзе, борьба Ордена является «справедливой войной»⁶. Автор категорически заявляет, что не может быть никакого сравнения между авантюристическими

¹ *H. D. Kahl. Zum Geist...*, S. 13—14. *Idem. Compellere intrare...*, T. I, S. 172. Аналогичную мысль высказал В. Шлезингер, подчеркнув, что идею насильственной миссии провозгласили не немцы, а представители Запада (Бернар Клервоский). (*W. Schlesinger. Die geschichtliche Stellung...*, S. 535.)

² *H. D. Kahl. Compellere intrare...*, T. I, S. 178—179.

³ *E. Weise. Der Heidenkampf...*, T. I, S. 426, 457—471.

⁴ *Ibidem*, T. I, S. 461—462, 470.

⁵ *Ib.* S. 426.

⁶ *Ib.* S. 459.

конкистадорами в Новом Свете, их жестокостями по отношению к коренному населению, и оборонительной борьбой религиозного братства, которое с самого начала уважало мирную папскую миссию¹. Как тут не привести известные слова К. Маркса: «Рыцари неистовствуют, как испанцы в Мексике и Перу; пруссы храбро сопротивляются, но все более и более изнемогают; чужеземные завоеватели проникают в глубь страны... Там, где жителей не истребляют, их обращают в рабство»².

Далее Э. Вейзе признает политическую и хозяйственную зависимость местного населения, но считает, что это не имело решительно никакого значения, раз жители пользовались «свободой христианского человека». Господство Ордена было, оказывается, большим счастьем и преимуществом для вновь окрещенных, ибо поставило их в подчинение курии³. Спрашивается, что же побудило пруссов восстать?

Правда, автора смущают события в Ливонии, где, по его словам, крестоносная идея явно брала верх над идеей миссии. Но он сразу же сам себя успокаивает тем, что якобы случайные нарушения, вызванные «благочестивым рвением», не меняют сути дела⁴.

Трудно сказать, чего в концепции Э. Вейзе больше — злонамеренной фальсификации или научной ограниченности? Он пользуется теми же «методами» исследования, что и Г.-Д. Каль, добавив лишь к ним еще и отвлеченные рассуждения юридического характера, которые так же далеки от исторической правды, как и богословские рассуждения средневековых теоретиков. Во всей обширной работе буквально нет ни строки, где факты не были бы поставлены с ног на голову в угоду предвзятой концепции автора.

Духу теоретических рассуждений Г.-Д. Калья и Э. Вейзе соответствуют конкретные исследования К. Форстрейтера. Курт Форстрейтер является видным специалистом по истории средневековой Пруссии. Опубликованные в послевоенные годы работы на эту тему дают возможность ознакомиться с его оценкой роли церкви при завоевании восточных земель⁵.

Форстрейтер полностью оправдывает завоевание Пруссии, агрессию Ордена против Литвы и его борьбу с язычниками, так как это якобы было борьбой за веру⁶. По вопросу о миссии

¹ E. Weise. Der Heidenkampf ..., Т. III, S. 419—420.

² К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, М., 1938, стр. 342—343.

³ E. Weise. Der Heidenkampf ..., Т. II, S. 652.

⁴ Ibidem. Т. I, S. 469—470.

⁵ K. Forstreuter. Preußen und Rußland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter dem Großen. 2. Aufl., Göttingen, 1955. Idem. Fragen der Mission in Preußen von 1245 bis 1260. «Zeitschr. f. Ostforsch.», 1960, H. 2/3. Idem. Deutschland und Litauen im Mittelalter. Köln—Gratz, 1962.

⁶ K. Forstreuter. Deutschland und Litauen ..., S. 3—4.

мира и миссии меча в Пруссии взгляды К. Форстрейтера совершенно созвучны вышеизложенной концепции Э. Вейзе¹. Гололловно отрицается агрессивный характер Ордена, его жестокости; его отношение к местному населению объявляется доброжелательным. Затянувшуюся борьбу в Пруссии и восстание пруссов в 1260 г. автор объясняет рядом политических ошибок Ордена, ошибками отдельных орденских братьев и... характером народа, упорно придерживающегося языческой религии². Автор хорошо знаком с источниками, но ради своей предвзятой концепции словно полностью забывает о них. Стараясь во что бы то ни стало представить церковь и ее учреждения в возможно более выгодном свете, он всячески стремится затушевать противоречия, существовавшие между ними³.

Фальсификации К. Форстрейтера гораздо более опасны, нежели мудрствования Г.-Д. Каля и Э. Вейзе, так как они проводятся под маской строгой научности и объективного исследования эрудированного специалиста. Но суть его концепции так же реакционна и не оставляет сомнения в ее политической направленности.

Близкой к взглядам вышеупомянутых историков является концепция нынешнего великого магистра Немецкого ордена — Мариана Тумлера, выраженная в его работе «История Немецкого ордена»⁴. Книга Тумлера написана в типичном для клерикальной историографии духе эмпиризма. Беспристрастное якобы изложение фактического материала, объяснение явлений божественным провидением скрывает в себе глубоко реакционные, антинародные, фальсификаторские тенденции в угоду католической церкви и современному империализму. Эта книга — явная апология Ордена и его политики. Крестовые походы в Прибалтику были, оказывается, организованы как для защиты вновь окрещенных от язычников, так и для защиты христиан от русской и литовской агрессии⁵. Тумлер считает основной заслугой Ордена то, что он, подержанный всей Европой, «приостановил русскую агрессию более чем на 3 столетия»⁶. Он как бы забыл о том, что Орден орудовал в чужих землях, в то время как русские защищали границы своей родины от меченосцев и от татарского нашествия. Но и этого Тумлеру мало. Голословно отвергая всякие обвинения в адрес Ордена, он объявляет его не врагом, а наставником местного населения, сыгравшим роль культуртрегера в Прибалтике, благодаря чему не было (!) рыцарских

¹ К. Forstreuter. Fragen der Mission . . . , S. 250.

² Ibidem, S. 266—267.

³ Ibidem, S. 264—265 и др.

⁴ M. Tumler. Der Deutsche Orden im Werden und Wachsen bis 1400. Wien, 1955.

⁵ Ibidem, . . . , S. 233—234, 236—237.

⁶ Ibidem, S. 363—365, 447.

разбоев и эксплуатации населения¹. Если Тумлер потрудился бы заглянуть в «Хронику» Генриха Латвийского или внимательно изучить папские буллы, направленные в Прибалтику, камня на камне не осталось бы от его лживых измышлений.

Другое направление в освещении этого вопроса в современной буржуазной историографии представлено историками, которых ничему не научили ни война и крушение фашистского рейха, ни изменения, происшедшие в современном мире. В их работах мы не находим ни новых тактических приемов, ни новых акцентов, свойственных историкам, о которых шла речь выше. К этому направлению относятся преимущественно прибалтийские немецкие историки, эмигрировавшие в свое время из Латвии и Эстонии в Германию: Л. Арбусов, Р. Виттрам, А. Бауэр, П. Иохансен, Ю. фон Хен. К ним примыкают Г. Гнегель-Вайчис, Ф. Бенингховен и другие.

В концепции этих историков отчетливо проявляются черты «апологетической школы», господствовавшей в конце XIX и в начале XX в. среди прибалтийских немецких историков. Пренебрежительное отношение к местному населению сочетается с идеализацией немецких «культуртрегеров», с выпячиванием их заслуг в приобщении Прибалтики к западному миру и с безудержным национализмом².

Среди этой группы историков имеются и такие, которые еще сегодня открыто придерживаются фашистской идеологии.

Большинство из них считает религиозный момент основным содержанием завоевания Прибалтики³, хотя некоторые видят в нем и политический смысл⁴. Проблема «миссии мира» и «миссии меча» не волнует этих историков. Они спокойно признают воинственный характер миссии и даже гордятся этим. Крещение и завоевание не отделяются друг от друга. Особенно характерным для концепции этих историков является оценка деятелей церкви и епископов в первую очередь как представителей немецкого народа. Вместе с тем завоевание Прибалтики рисуется прежде всего как немецкое начинание, а не как церковное или общеевропейское. Наряду с характерной для апологетической школы идеализацией епископа Альберта или же Ордена в целом мы встречаемся с явной недооценкой роли римской курии.

Р. Виттрам, например, говорит только о том, что папа содей-

¹ M. Tumler. Der Deutsche Orden ..., S. 364, 447, 451.

² Я. Зутис. Очерки по историографии Латвии. Ч. I. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949, стр. 166—247.

³ L. Arbusow. Liturgie und Geschichtsschreibung im Mittelalter. Bonn, 1951, S. 5; A. von Transehe-Roseneck. Die ritterlichen Livlandfahrer des 13. Jahrhunderts, Hrsg. v. W. Lenz, Würzburg, 1960, S. 6—10; A. Bauer. Einleitung. In: Heinrichs Livländische Chronik. II Aufl., Hannover, 1955, S. VI—XXI.

⁴ R. Witttram. Baltische Geschichte. München, 1954, S. 20; G. Gnegel-Waitschies. Bischof Albert von Riga. Hamburg, 1958.

ствовал епископу Альберту и лишь мельком упоминает о безуспешно выдвигаемых папой самостоятельных планах в балтийском вопросе¹.

Типичной для всего этого направления является работа Гизелы Гнегель-Вайчис, посвященная епископу Альберту, который, по ее словам, стремился не только к распространению христианства, но и к установлению светской власти². Епископ Альберт рисуется ею, как смелый, сильный, властолюбивый и честолюбивый человек. Он не стесняется насилий и хитростей, ни с чем не считается, исключительно жесток и несправедлив к местному населению³. Все эти отнюдь не положительные качества вменяются ему в доблесть, и таким образом Альберт предстает перед нами как фашистский идеал великой личности, которой все дозволено. Не случайно издатель книги Гнегель-Вайчис ставит его в один ряд с Генрихом Львом, Альбрехтом Медведем и другими «героями» немецкого средневековья, приведшими в умирение их фашистских потомков.⁴ Епископ Альберт был, по словам Гнегель-Вайчис, инициатором, руководителем и душой всех начинаний в Прибалтике, действовал самостоятельно и по своей инициативе⁵.

Его неудачи автор старается объяснить тем, что папа, стремясь к созданию собственного церковного государства, ухудшил свое отношение к епископу и своей помощью Ордену создавал помеху деятельности Альберта⁶. Мешали ему своей агрессивной политикой и собственные вассалы, и Орден⁷, так что Альберту пришлось отказаться от прежней самостоятельности, вести навязанную ему политику, защищаться от русских. Постепенно из вершителя судеб Ливонии он превратился в одного из многих носителей власти, участвовавших в борьбе за Ливонию⁸. Неудачи Альберта автор объясняет также его характером⁹ и отдельными допущенными им ошибками. Так, например, объявив Ливонию землей девы Марии, он дал папе возможность предъявить претензии на нее¹⁰. Ошибкой была также его «мирная» политика против русских, приведшая к неудаче из-за их «вероломства»¹¹.

По существу, в концепции Гнегель-Вайчис нет даже места для политики церкви, ибо епископ Альберт охарактеризован ею не столько представителем церкви, сколько немцем и политиче-

¹ R. Wittram. Baltische Geschichte, S. 18, 22 и др.

² G. Gneget-Waitschies. Bischof Albert von Riga, S. 48.

³ Ibidem, S. 56, 161—163, 166.

⁴ Ibidem, S. 7.

⁵ Ibidem, S. 66 и др.

⁶ Ibidem, S. 81, 94, 145.

⁷ Ibidem, S. 85, 90.

⁸ Ibidem, S. 103, 121, 151.

⁹ Ibidem, S. 166.

¹⁰ Ibidem, S. 64.

¹¹ Ibidem, S. 164—165.

ским деятелем. С такой характеристикой епископа Альберта не согласен даже балтийско-немецкий историк А. Бауэр¹.

Гнегель-Вайчис соглашается с историками, объявившими Прибалтику до прихода немцев некой пустыней². О местном населении она говорит лишь для того, чтобы объявить, будто оно симпатизировало Альберту и немцам и охотно переходило на сторону последних³. Альберт же в ее истолковании являлся основоположником приобщения Ливонии к западному миру⁴. Все это достаточно характеризует сущность ее концепции.

Таким образом, откровенно фашистская идеология и ханжество сочетаются с преднамеренной фальсификацией истории невзирая на факты и вопреки им.

То же самое можно сказать о двух брошюрах Юргена фон Хена, изданных Геттингенским рабочим кружком⁵.

Юрген фон Хен, руководящий член Балтийской исторической комиссии, известен своей жгучей ненавистью к марксистской исторической науке⁶. Наряду с безмерным восхвалением немецких культуртрегеров, с презрением к местному населению и ненавистью к русским он восхваляет и оправдывает жестокости немецких завоевателей. Христианизация не отделяется от завоевания. Епископ Альберт предстает перед нами не как представитель церкви, а как выдающийся немец, олицетворяющий великую личность, и как творец истории. Папская курия, совсем в духе фашистской историографии, объявляется силой, мешавшей немцам создать немецкое государство и полностью онемечить местное население.

Наряду с двумя охарактеризованными направлениями в западногерманской буржуазной историографии по данному вопросу следует выделить еще одну группу историков, которых можно считать представителями третьего направления. В смысле извращения исторической правды в угоду своим классовым и политическим целям они не отличаются от предыдущих историков, но пользуются иными средствами. Им чужды богословские потуги историков первого направления, равно как и гипертрофированный национализм второго. Но в то же время мы встречаем в их работах попытки в духе «нового направления» затушевать агрессивные намерения немецких завоевателей, а также ярую вражду к России и ко всему русскому. Но основной отличитель-

¹ A. Bauer. Bischof Albert von Riga. «Zeitschr. f. Ostforsch.», 1959, H. I, S. 78—82.

² G. Gnegel-Waitschies. Bischof Albert von Riga, S. 48.

³ Ibidem, S. 111, 74—75.

⁴ Ibidem, S. 167.

⁵ J. von Hehn. Die Baltischen Lande. Geschichte und Schicksal der baltischen Deutschen. Kitzingen/Main, 1951. Idem. Riga. Ein Bollwerk des Abendlandes am Baltischen Meer. Kitzingen/Main, 1954.

⁶ E. Donnert. Der livländische Ordensritterstaat und Rußland. Berlin, 1963, S. 9.

ной чертой их концепции является то, что события в Прибалтике и Пруссии первой половины XIII века рассматриваются ими как составная часть восточноевропейской политики папской курии, а сама курия — как руководящая сила в завоевании этих земель. Сама мысль об активной роли римской курии в Прибалтике XIII века не должна вызывать возражений, но характер этой политики, ее цели, а также ее оценка совершенно извращены буржуазными историками. Эта концепция не нова. Она была выдвинута уже в 30-х годах иезуитом А. М. Амманом и прибалтийско-немецким историком М. фон Таубе и получила затем широкое распространение на Западе¹.

Труды А. Аммана, М. фон Таубе, а также близкого к ним финского ученого Г. А. Доннера² получили должную оценку в советской историографии как проявление воинствующего католицизма. Эти работы проникнуты ненавистью ко всему русскому, идеализацией римских пап и их политики и отличаются утонченной фальсификацией истории папства, Руси и Прибалтики³.

Типичным представителем этого направления является ярый реваншист, профессор Боннского университета, один из ведущих специалистов Запада по истории Немецкого ордена Вальтер Хубач.

В. Хубач полон звериной ненависти к Советскому Союзу и является ярким сторонником единства Европы, освященного церковью. Он не отличает «миссию мира» от «миссии меча». По его мнению, завоевание Пруссии и Прибалтики, кем бы оно ни осуществлялось, было по своему характеру религиозным мероприятием. Орден как чисто духовное учреждение осуществлял крестоносную идею распространения христианства⁴. Завоевание, а также образование орденского государства было оборонительным предприятием, задача которого заключалась в том, чтобы «удержать языческую экспансию»⁵. Орден меченосцев был создан для защиты от языческих ливов и ортодоксальных русских⁶. Восторгаясь положительными результатами деятельности Ордена в завоеванных землях и категорически отрицая общезвестные факты истребления населения⁷, В. Хубач соглашается с

¹ А. М. Ammann. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newskis. Rom, 1936; М. v. Taube. Internationale und kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum und Rußland zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands (12. und 13. Jahrhundert). «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Bd. 3, 1938, H. 1.

² G. A. Donner. Kardinal Wilhelm von Sabina. Helsingfors, 1929.

³ В. Т. Паушо. О политике папской курии... стр. 52—54, Образование Литовского государства, стр. 236—237; И. П. Шаскольский. Папская курия..., стр. 170—171.

⁴ W. Hubatsch. Quellen zur Geschichte ..., S. 9—10, 13.

⁵ Ibidem, S. 10.

⁶ Ibidem, S. 16.

⁷ Ibidem, S. 10, 11—13, 17.

теми историками, которые видят в этом достижение объединенных сил христианской Европы, а не немецких феодалов, как это было обычно в империалистической и фашистской историографии¹. В этом вопросе он полностью сходится с К. Форстрейтером и Э. Вейзе. Но в отличие от них В. Хубач говорит не о самостоятельной политике Ордена, пользовавшейся покровительством папы, а о широкой балтийской миссии римской курии, составной частью которой и была деятельность Ордена².

При такой концепции нет места противоречиям между папой и Орденом, доставлявшим столько хлопот К. Форстрейтеру. Курия, по словам В. Хубача, хотела создать пояс христианских государств вокруг Балтийского моря и одновременно «защитить» балтийское пространство от напора русской ортодоксальной церкви. И эти планы, оказывается, имели чисто религиозные цели³. Как тут не вспомнить о реваншистских и антикоммунистических целях современной реакции!

Еще более четко концепция А. Аммана — М. Таубе представлена в работе другого западногерманского историка Манфреда Хельмана «Латышская земля в средние века»⁴.

М. Хельман считает, что вслед за началом распространения христианства Мейнардом в дело включилась курия, ставшая движущей силой дальнейшей борьбы в Прибалтике⁵. Она руководствовалась, однако, другими целями нежели немцы: интересовалась Ливонией в связи со своими планами относительно ортодоксальной церкви Востока, т. е. России⁶. Со времен Иннокентия III курия стала руководительницей восточнобалтийской миссии⁷ и впоследствии начала думать о завоевании прямого папского господства в балтийских областях⁸. Она проявила заботу о примирении враждующих между собой Ордена и епископов, ибо имела в виду расширить свой натиск на русские княжества со стороны Ливонии⁹. И только после поражения Ордена на Чудском озере папа обратил свои взоры на Галич и Литву¹⁰.

В духе всех современных буржуазных историков Хельман объявляет основной целью участников борьбы за Прибалтику,

¹ W. Hubatsch. Neue Wege ..., S. 562.

² W. Hubatsch. Quellen zur Geschichte S. 18.

³ Ibidem.

⁴ M. Hellmann. Das Lettenland im Mittelalter. Münster—Köln, 1954. Ср. В. В. Дорошенко. Феодализм в Латгалии и восточной Видземе в освещении западногерманского историка. «Известия Академии наук ЛатвССР», 1956, № 9.

⁵ «Von Anfang an steht also hinter dem livländischen Missionswerk ... als treibende Kraft die Kurie» (M. Hellmann. Das Lettenland ..., S. 116).

⁶ Ibidem, S. 115—116.

⁷ Ibidem, S. 119.

⁸ Ibidem, S. 135.

⁹ Ibidem, S. 155.

¹⁰ Ibidem, S. 173—183.

в том числе и папы, распространение христианской веры¹. Тут автор вступает в противоречие сам с собой, ибо как сочетать это утверждение с его же словами, что папы стремились к установлению своего непосредственного господства в Прибалтике². Впрочем, таких противоречий у М. Хельмана немало; они возникают каждый раз, когда предвзятая идея сталкивается с конкретными фактами. То в его изложении распространение христианства обязательно связано с насилием³, то оно в первую очередь мирная миссия⁴. Противоречия имеются также и в характеристике деятельности епископа Альберта. В целом епископ Альберт охарактеризован в духе традиций немецкой историографии, как выдающийся государственный деятель. Он якобы действовал всегда в рамках законности, его намерения были мирными, войны были ему навязаны⁵.

М. Хельман явно идеализирует не только епископа Альберта, но и римских пап, Вильгельма Моденского, противопоставляя им в качестве отрицательной силы Орден. Но упоминая как бы мимоходом о жестокостях Ордена, М. Хельман все же не находит нужным дать развернутую характеристику его насильственных действий.

Отличительной чертой работы М. Хельмана является стремление автора подпирать реакционные теории тонкой аргументацией, что, однако, не может скрыть их сущности.

Наконец, к этой группе историков относится Фриц Гаузе со своим «трудом» «Общность судеб немцев и славян». В отличие от работы Хельмана это не столько научное исследование, сколько злобный памфлет на славянские и прибалтийские народы, и Советский Союз в особенности, что, видимо, и послужило причиной того, что в Западной Германии эта книга усиленно рекомендуется учителям истории (!). Изложение Гаузе — это компиляция с изрядной долей досужих умозаключений, содержащих в себе все самое реакционное, что создано западной буржуазной историографией по данному вопросу.

Вот основные мысли Ф. Гаузе: Иннокентий III хотел при помощи миссии, войск крестоносцев и рыцарских орденов обратить последних язычников в христианство и создать в их стране второе церковное государство. Папа объявляется руководителем деятельности епископа Альберта в Прибалтике⁶. Гаузе утверждает, что немецкие рыцари спасли Прибалтику от опасности подпасть под влияние России и включили ее в состав Западной

¹ M. Hellmann. Das Lettenland... S. 188.

² Ibidem, S. 135.

³ Ibidem, S. 116.

⁴ Ibidem, S. 188.

⁵ Ibidem, S. 120—121, 134, 188, 190 и др.

⁶ Fr. Gause. Deutsch-slavische Schicksalsgemeinschaft, S. 44.

Европы. Россия погубила бы Прибалтику, если б не вмешательство Немецкого ордена (!), — защитника этой земли¹. Но в то же самое время Ф. Гаузе заявляет, что покорение Пруссии и Прибалтики не было делом жадных до завоеваний немецких рыцарей, а было общей западной акцией в честь бога и христианской церкви. Но, добавляет он тут же хвастливо, немцы все же держали руководство борьбой в своих руках и несли наибольшие жертвы².

Наконец следует остановиться на характеристике роли церкви и религии в Прибалтике XIII века, данной в работах ряда латышских и литовских буржуазных эмигрантов. Этому вопросу посвящены статьи Б. Аберса и Ю. Якштаса, опубликованные в сборниках Балтийского исследовательского института³. Аналогичные взгляды высказаны также в работах А. Бильманиса «Церковь в Латвии» и А. Спекке «История Латвии»⁴.

На формирование концепции этих авторов оказали влияние с одной стороны А. Амман и М. Таубе, с другой стороны — латышская буржуазная историография во главе с А. Швабе, которая восхваляла «заслуги» католической церкви в развитии латышского народа, была проникнута ненавистью к России и восторгалась приобщением латышского народа к западному миру. Развивая взгляды А. Аммана и других историков, латышские и литовские буржуазные эмигранты отличаются еще большей воинственностью.

Б. Аберс и Ю. Якштас сходятся со всеми упомянутыми нами исследователями во мнении, что целью крестовых походов в Прибалтику было распространение христианской веры⁵. Но им чужды хитроумные богословские рассуждения немецких историков о разных формах миссии или же их мучительные потуги объявить агрессию обороной и жестокость добротой. Они не скрывают насильственного характера миссии и считают распространение христианства при помощи меча совершенно естественным явлением⁶. Б. Аберс категорически утверждает, что в Прибалтике осуществлялось насильственное крещение⁷. Об этом же говорит Ю. Якштас: «Мысль о насильственном обращении язычников жила с древних времен, и крестовые походы были средст-

¹ *Fr. Gause*. Deutsch-slavische Schicksalsgemeinschaft, S. 45, 48.

² *Ibidem*, S. 49.

³ *B. Abers*. Zur päpstlichen Missionspolitik in Lettland und Estland zur Zeit Innocenz III. «Commentationes Balticae», IV/V. 1956/57, Bonn, 1958; *J. Jakštas*. Das Baltikum in der Kreuzzugsbewegung des 14. Jahrhunderts. — «Commentationes Balticae», VI/VII. 1958/59, Bonn, 1959.

⁴ *A. Bilmanis*. The Church in Latvia, NY, 1945; *A. Spekke*. History of Latvia. An outline. Stockholm, 1957.

⁵ *B. Abers*. Zur päpstlichen Missionspolitik ..., S. 4; *J. Jakštas*. Das Baltikum ..., S. 3—4.

⁶ *J. Jakštas*. Das Baltikum ..., S. 3, 6; *B. Abers*. Zur päpstlichen Missionspolitik ..., S. 4.

⁷ *B. Abers*. Zur päpstlichen Missionspolitik ..., S. 5, 9.

вом осуществить ее заново и в усиленном масштабе»¹. Ю. Якштас считает, что папы не только не осуждали захватническую политику Ордена, но и поддерживали ее; они рассматривали его борьбу с язычниками как свою церковную миссию². Б. Аберс, не стесняясь, приводит тщательно замалчиваемые немецкими историками свидетельства источников, говорящих о насильственных захватах земель, о подавлении населения как Орденом, так и епископом Альбертом³. На основании анализа папских булл конца XII и начала XIII веков Аберс убедительно доказывает, что папы, готовые воспользоваться любыми «целесообразными» средствами для распространения христианства, временами изменяли тактику, но все же предпочитали насильственные методы⁴. Аберс специально подчеркивает, что насилие отнюдь не применялось только для защиты вновь обращенных или же для наказания отпавших от веры⁵.

Эти рассуждения нужны Б. Аберсу не для того, чтобы осудить действия папы. Он полностью оправдывает такое насилие, так как оно-де соответствовало духу времени и было применено во имя веры⁶.

Б. Аберс и Ю. Якштас, вслед за М. Таубе и А. Амманом, единогласно провозглашают папу инициатором и руководителем крестовых походов и решающей силой при распространении христианства в Прибалтике⁷. Аберс соглашается с Таубе, будто булла Александра III от 1171 или 1172 года положила начало восточнобалтийскому крестоносному движению⁸. Епископ Альберт, заявляет он, на деле осуществлял идеи папских булл⁹.

Папская миссия способствовала, правда, распространению немецкого господства, папы поддерживали борьбу немцев за установление своей политической власти, но только потому, что это им самим было выгодно¹⁰. Немецкое духовенство и Орден были по существу лишь орудиями в руках папы¹¹.

Большую часть своей статьи Аберс посвящает вопросу о том, кто все-таки был создателем Ордена меченосцев. В последние годы по этому вопросу идут дискуссии: одни историки считают основателем Ордена епископа Теодориха, другие — Альберта.

¹ *J. Jakštās. Das Baltikum ...*, S. 3.

² *Ibidem*, S. 18, 21.

³ *B. Abers. Zur päpstlichen Missionspolitik ...*, S. 15—16.

⁴ *Ibidem*, S. 3—9.

⁵ *Ibidem*, S. 7.

⁶ *Ibidem*, S. 17.

⁷ *Ibidem*, S. 5. *J. Jakštās. Das Baltikum ...*, S. 18.

⁸ *B. Abers. Zur päpstlichen Missionspolitik ...*, S. 3.

⁹ *Ibidem*, S. 7.

¹⁰ *Ibidem*, S. 4, 9.

¹¹ *J. Jakštās. Das Baltikum ...*, S. 18.

По мнению же Аберса, решающая роль в этом принадлежала Иннокентию III¹.

Взгляды Аберса и Якштаса конечно не абсолютно тождественны, но они отличаются преимущественно в деталях и акцентах. В основных своих положениях они совершенно единодушны. Правильно усмотрев в агрессии в Прибалтике явление, выходящее за пределы чисто немецкого начинания и верно акцентируя решающую роль папы римского, они все же стоят на глубоко реакционных позициях в оценке папской власти и ее политики, не отстают от немецких историков в извращении значения и характера крестовых походов. Своей идеализацией ловкой и жесткой политики римской курии и ее стремления к мировому господству они по-своему отражают политические устремления наиболее воинствующей части современной буржуазии, которая делает ставку на силы Ватикана и католической церкви.

По своей идейной направленности к Б. Аберсу и Ю. Якштасу примыкают А. Бильманис и А. Спекке. Их работы представляют собой апологию церкви и папства. Но в то же самое время они отрицательно оценивают деятельность немецких завоевателей. Так, например, А. Бильманис заявляет, что немецкие рыцари и Орден были врагами латышского народа, мешавшими мирному распространению христианства². Церковь же якобы относилась дружелюбно к латышам, духовенство заботилось об их воспитании и обучении. Папы всегда старались предотвратить незаслуженные преследования латышей со стороны немецких завоевателей, замаскированных под крестоносцев, и даже старались изъять крещеную латышскую землю из-под власти германского императора³. Бильманис забывает при этом о двуличной политике пап, призывавших в своих буллах к крестовым походам и возбуждавших захватнические тенденции рыцарей.

А. Спекке противопоставляет Ордену, принесшему латышам рабство, церковь, которая, распространяя христианство, принесла свободу язычникам и всегда защищала вновь обращенных⁴. Папы, стремившиеся держать бразды правления в своих руках и установить свое непосредственное господство в Прибалтике, столкнулись со светской силой под маской духовно-рыцарского ордена, который в конечном итоге оказался сильнее⁵.

Обе работы не являются результатом самостоятельного изучения источников. Они представляют собой компиляцию с изрядной дозой умозрительных рассуждений клерикального и националистического характера.

Подводя итоги упомянутому, можно отметить общие

¹ B. Abers. Zur päpstlichen Missionspolitik ..., S. 11—14.

² A. Bilmanis. The Church in Latvia, p. 6.

³ Ibidem, p. 6—7.

⁴ A. Spekke. History of Latvia, p. 147.

⁵ Ibidem, p. 146—147.

и отличительные черты, характерные для послевоенной буржуазной историографии по вопросу о роли церкви в немецкой агрессии на Восток в XIII веке. Классовые и политические устремления современной буржуазии находят непосредственное отражение в трактовке данного вопроса и выражаются в первую очередь в превознесении христианской западной общности и в отрицательном и даже враждебном отношении ко всему русскому. Выдвижение роли церкви на первый план делается не для того чтобы раскрыть ее истинные материальные цели, а чтобы превозносить и восхвалять ее в качестве объединителя разрозненных сил европейского общества и изображать ее в качестве преданного борца за веру. Буржуазные историки расходятся между собой только в вопросе, кто был инициатором и решающей силой в этой борьбе — папы римские, немецкие епископы или Орден, и какими средствами пользовалась церковь.

О МЕМОРАНДУМЕ КРИШЬЯНА ВАЛДЕМАРА

Среди многообразного по своему характеру и значению творческого наследия Кришьяна Валдемара внимание исследователей уже многие годы привлекает опубликованный в издании «*Latvijas vēstures avoti*»¹ документ, известный в литературе как меморандум Кр. Валдемара. Этот документ, представленный К. Валдемаром в 1862 году министру народного просвещения А. В. Головнину с целью обоснования необходимости реформ в балтийских губерниях, широко использован исследователями как источник для изучения идеологии, программы, тактики и классовой сущности младолатышского движения. Однако опубликованный текст меморандума, как отмечалось еще в примечании к публикации, являлся лишь наброском окончательного текста². Публикация включала несколько вариантов обоснования необходимости преобразований в Лифляндии, Эстляндии и Курляндии и не давала ответа на вопрос, какой из этих вариантов Кр. Валдемар предпочел в окончательной редакции³. К тому же текст рукописи наброска, по которому сделана публикация, в одном из разделов обрывался⁴ и оставалось неизвестным, что представлял собой меморандум в целом. Все это несколько снижало ценность публикации как источника.

В процессе работы в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде нами был обнаружен подлинник меморандума Кр. Валдемара. Он хранится в фонде А. В. Головнина⁵ и состоит из 108 листов. В верхнем левом углу первого листа рукой А. В. Головнина

¹ См. *Latvijas vēstures avoti*. V. sēj. Dokumenti par tautas atmodas laikmetu 1856.—1867. g. Rīga, 1939, 156.—223. lpp. (Av.)

² См. там же, стр. 157, примеч.

³ См. там же.

⁴ См. там же, стр. 173.

⁵ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГБСШ), ф. 208, № 32.

помечено: «Составлено Г. Волдемаром и получено от него в 1862 году. А. Головнин».

В отличие от ранее известной публикации подлинник содержит лишь один обобщающий вариант обоснования необходимости реформ — 18 пунктов под общим наименованием «*Motivierung eines Allerhöchsten Erlasses über die Agrar-Reform in den drei baltischen Gouvernements*» («Обоснование Высочайшего Указа об аграрной реформе в трех балтийских губерниях»). Таким образом, из окончательной редакции выпали такие фрагменты наброска, как «*Zur näheren Erklärung der obigen Motivierungspunkte*» («К подробному разъяснению вышеназванных пунктов обоснования»), незавершенный (в черновом наброске) фрагмент «*Einleitung*» («Введение») и начальный фрагмент наброска без названия. Все они в большей или меньшей мере повторяли содержание 18 пунктов и при составлении окончательного текста были, по-видимому, признаны автором излишними. Что же касается самих 18 пунктов, то их текст полностью известен из публикации. Единственная разница здесь в том, что в подлиннике обоснование необходимости реформ не предпослано основной части меморандума, а, наоборот, завершает ее в виде обобщающего заключительного вывода.

Наиболее существенное отличие подлинника от публикации состоит в наличии в нем дополнительных фрагментов. Это — раздел «*Historische Übersicht*» («Исторический обзор») и большая часть раздела «*Die baltischen Provinzen unter Russland*» («Балтийские провинции под властью России»). Названные материалы следуют за той частью текста, на которой обрывался известный ранее текст наброска. Несколько иначе обстоит дело с начальным разделом подлинника «*Einige Urtheile über die Bauer-Verordnungen von 1816—18 und die gegenwärtige Lage der Bauern in den baltischen Gouvernements*» («Некоторые заключения о Положении о крестьянах 1816—1818 гг. и современное положение крестьян в балтийских губерниях»). В публикации содержалась лишь начальная часть раздела, в объеме 4 листов подлинника. Между тем весь раздел в подлиннике состоит из 27 листов. Правда, в примечании к публикации есть оговорка о том, что имеющиеся на последующих листах наброска выписки из работ немецких авторов были опубликованы в 1863 году в книге младолатыша А. Спагиса¹.

При анализе содержания неопубликованных или не известных ранее фрагментов необходимо учитывать служебное назначение меморандума, а также либеральный буржуазно-национальный характер младолатышского движения.

¹ См. Av., стр. 180, примеч. Речь идет о книге А. Спагиса «*Die Zustände des freien Bauernstandes in Kurland nach dem Gesetze und nach der Praxis im Lichte des modernen Rußlands. Dargestellt von einem Patrioten.* Leipzig, 1863.

Заинтересованность в реформах «сверху» предопределила огромное внимание К. Валдемара к изысканию аргументов, способных воздействовать на высокопоставленного сановника. В подлиннике документа доводы представлены даже несколько шире, чем в тексте наброска. Наиболее показательна с этой точки зрения окончательная редакция начала меморандума.

Обоснованию своих взглядов на необходимость реформ в балтийских губерниях Кр. Валдемар предпослал изложение позиции ряда авторов в этом вопросе. Центральное место в подлиннике занимают работы тех германских публицистов и историков, которых сам Кр. Валдемар характеризует как представителей германской партии¹, глубоко симпатизировавших остзейцам и откровенно враждебных латышскому и эстонскому населению губерний. На основании конкретного анализа книг и статей И. Коля², А. Буддеуса³, Озенбрюгена⁴ Кр. Валдемар резюмировал, что даже реакционные круги Германии побуждали остзейцев к признанию необходимости осуществления небольших реформ в области судостроительства, школы и аграрного строя в балтийских губерниях. «Этого, — писал Кр. Валдемар, — требует немецкий мечтатель Буддеус, а не какой-нибудь славянин, латыш или эстонец. Тем самым наиболее блестяще доказывается важность, необходимость и справедливость упомянутых требований»⁵.

В представленном Кр. Валдемаром документе с большой тщательностью отобраны отрывки из произведений приведенных выше авторов, раскрывающие во всей неприглядности картину тягостного существования широких масс латышского и эстонского крестьянства. Кр. Валдемар отчетливо представлял, чем вызваны реформистские порывы названных авторов, и писал об этом в своем меморандуме, особенно подчеркивая стремление «германской партии» увековечить господство немцев в Прибалтике. Такой акцент в меморандуме не случаен. Кр. Валдемар рассчитывал, что при учете международной обстановки начала 60-х годов именно это обстоятельство должно насторожить царское правительство и послужить важным стимулом к проведению реформ «сверху». Комментируя мысль Озенбрюгена о том, что господство немецких рыцарей в Прибалтике обеспечило бы превращение Германии в великую державу Центральной Европы и создало бы неодолимые препятствия для России как фактора европейского значения, Кр. Валдемар писал: «Здесь немецкий патриот убедительно указывает на значимость балтий-

¹ См. Отдел рукописей, ГБСЦ, ф. 208, № 32, л. 5/об.

² J. G. Kohl. Die deutsch-russischen Ostseeprovinzen, Dresden—Leipzig, 1841.

³ A. Buddeus, Halbrussisches, Leipzig, 1847.

⁴ Osenbrüggen, Die deutschen Ostseeprovinzen Rußlands, F. Brockhaus, Die Gegenwart, 1848.

⁵ См. Отдел рукописей, ГБСЦ, ф. 208, № 32, л. 11.

ского побережья. Он говорит весьма открыто для такого времени, когда Германия больше, чем когда-либо, приблизилась к политическому единству»¹.

Используя для большей убедительности материалы немецких авторов, Кр. Валдемар в то же время решительно отмежевался от их проостзейской концепции. В частности, он отмечал, что книга А. Буддеуса «...дышит истинным антирусским фанатизмом и восхвалением элементов немецкой жизни в Курляндии, Лифляндии и Эстляндии...»². У Кр. Валдемара такое «...любование Германией...»³ вызвало не только ироническую усмешку, но и потребность к развенчанию легенды о «культуртрегерской» миссии немецких рыцарей.

В этом плане написан весь исторический обзор меморандума⁴. «В действительности, — говорил Кр. Валдемар, — несчастная родина латышей и эстонцев уже в течение семи веков напоминает огромное кладбище...»⁵. Кр. Валдемар решительно утверждал, что остзейское иго в Прибалтике оказалось даже тяжелее, чем иго монголов над Россией.

При рассмотрении истории балтийских губерний после их присоединения к России Кр. Валдемар подчеркивал положительное значение акта присоединения и подвергал острой критике остзейцев, как основных противников реформ. В разделе «Die baltischen Provinzen unter Rußland» Кр. Валдемар останавливался на характеристике «Декларации барона Розена» 1739 г., патента 12 апреля 1765 г., «Положения о лифляндских крестьянах 1804 года». Цитируя декларацию Розена, автор меморандума с возмущением писал: «И эта корпорация, допуская столь вопиющие нарушения прав других, еще смеет говорить о приобретенных ею правах и их священности»⁶. Учитывая полуторавековой опыт пребывания балтийских губерний в составе России, Кр. Валдемар полностью солидаризировался с преобладавшим среди латышского и эстонского населения взглядом об ответственности остзейцев за сохранение в губерниях «...кошмарной системы, благодаря которой немцы продолжают господствовать над коренным населением, подавляя (zu Boden drückend. — М. Д.) его и физически и морально, не оставляя ему ни малейшего проблеска надежды»⁷. Кр. Валдемар выражал глубочайшую уверенность, что остзейцы и в дальнейшем будут тормозить проведение реформ и объяснял появление в их лагере в начале 60-х годов некоторых реформистских проектов лишь

¹ Отдел рукописей ГБСЦ, ф. 208, № 32, л. 12/об.

² Там же, л. 6.

³ Там же.

⁴ Разделы «Historische Übersicht» и «Die baltischen Provinzen unter Rußland», см. там же, л. 29—47.

⁵ Отдел рукописей ГБСЦ, ф. 208, № 32, л. 29/об.

⁶ Там же, л. 40/об.

⁷ Там же, л. 12.

стремлением предупредить реализацию преобразований в духе реформы 1861 года, чрезмерно радикальной с точки зрения немецких помещиков Курляндии, Лифляндии и Эстляндии. Ссылаясь на вынужденное признание А. Буддеуса о том, что освобождение крестьян в балтийских губерниях в 1816—1819 гг. было комедией, инсценированной «...для устранения эффективных мер России в пользу рабов»¹, Кр. Валдемар особенно акцентировал готовность остзейцев «...к повторной постановке комедии в 1862 году...»².

Меморандум Кр. Валдемара по своей общей направленности представляет типичный для младолатышского движения документ со всеми особенностями, свойственными идеологии зарождавшейся латышской либеральной буржуазии. Он проникнут реформизмом, царистскими иллюзиями, стремлением убедить русские правящие круги, что именно их интересам в условиях осуществления реформы 19 февраля 1861 года соответствует проведение аналогичных преобразований в балтийских губерниях. В то же время подлинник меморандума даже с большей силой, чем текст черновика, выражает антиостзейские тенденции младолатышей, их политическую ориентацию на Россию.

¹ Отдел рукописей ГБСЦ, ф. 208, № 32, л. 6.

² Там же.

**ПОЗИЦИЯ БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ
В ВОПРОСЕ О ПОЛЬСКО-
БАЛТИЙСКОМ СОЮЗЕ (1920—1925 гг.)**

(Историографический очерк)

Роль и участие правительств-лимитрофов в планах создания антисоветского польско-балтийского союза в 1920—1925 гг. в исторической литературе освещены недостаточно. В историографии имеется определенное мнение по этому вопросу, требующее дальнейшего изучения. Это особенно необходимо сейчас, так как буржуазные историки стараются «научно» обосновать антисоветскую внешнюю политику буржуазной Латвии, скрывая зависимость этой политики от англо-франко-американских империалистов. Сочинения их явно антисоветские.

В данной статье кратко рассматриваются взгляды советских историков по этому вопросу, критикуются работы историков буржуазной Латвии, зарубежных авторов, а также работы латышских белоэмигрантов.

Советские историки, изучающие прошлое буржуазной Латвии или вопросы внешней политики Советского Союза и западных государств в 1920—1925 годы, в большей или меньшей мере затронули вопрос о польско-балтийском союзе, о задачах, позиции и планах его участников, а также о причинах провала этих планов.

Наши историки уже в годы, предшествующие Великой Отечественной войне, в своих трудах уделяли должное внимание главным тенденциям лимитрофов во внешней политике. Оно было сосредоточено на отношении их к Советскому Союзу и попытках западноевропейских империалистов втянуть последних в антисоветские блоки. Недостаток источников в то время не давал авторам возможности подробно проанализировать внешнюю политику стран Прибалтики и определяющие ее моменты. Но основные тенденции лимитрофов по отношению к польско-балтийскому союзу были выявлены. Как общий недостаток исследова-

ний этого периода следует отметить переоценку влияния Франции в Прибалтике.

Из монографий и статей, в которых исследована внешняя политика Прибалтийских стран, в том числе и Латвии, в первую очередь надо отметить монографию М. Баха¹. В ней автор охарактеризовал политико-экономические взаимоотношения между Советским Союзом и Прибалтикой, показал роль западноевропейских империалистов и их попытки создать польско-балтийский союз, а также проанализировал позицию отдельных стран по отношению к этому союзу. Показывая позицию буржуазной Латвии к Варшавскому политическому договору четырех стран, заключенному в 1922 году, автор указывает: «министр иностранных дел З. Мейеровиц в то время являлся весьма послушным орудием франко-польского империализма»². Сдержанную позицию буржуазной Латвии в обсуждении проекта польско-балтийского союза на конференции в Хельсинки в 1925 году М. Бах объясняет ухудшением отношений между Польшей и Латвией, а также стремлением деловых латвийских кругов завязать тесные экономические отношения с СССР³. Характеризуя влияние Англии и Франции в Прибалтике, М. Бах утверждает: «...начиная с 1920 года роль главного опекуна лимитрофов переходит к Франции, прилагающей в дальнейшем все усилия к реализации балтийского блока, а ...с 1925 года гегемония в Прибалтике снова переходит к Англии»⁴. С этим утверждением нельзя согласиться, потому что хотя Франция и усилила свою политическую активность в Прибалтике, Англия все же сохранила свое влияние и не позволила реализовать французский план создания польско-балтийского союза.

М. Г. Бах рассматривает это положение в статье «Роль Прибалтики в системе антисоветского окружения»⁵. В ней автор анализирует влияние иностранного капитала в Латвии, а также причины неудачи в создании польско-балтийского союза. Он характеризует отношение буржуазной Латвии к этому союзу в основном в 1924 и 1925 гг., подчеркивая двурушничество в политике правительства буржуазной Латвии⁶.

В статье отражены две тенденции внешней политики Латвии по отношению к СССР: одна за сотрудничество, вторая — против⁷.

Интересный фактический материал и ряд очень важных вы-

¹ М. Г. Бах. Политико-экономические взаимоотношения между СССР и Прибалтикой за десять лет (1917—1927). М., 1928.

² Там же, стр. 142.

³ Там же, стр. 145—146.

⁴ Там же, стр. 138.

⁵ М. Г. Бах. Роль Прибалтики в системе антисоветского окружения. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1931, № 6, стр. 97—112.

⁶ Там же, стр. 107.

⁷ Там же, стр. 109.

водов содержит книга В. Страуса «Советская Латвия и мировая контрреволюция»¹. Правда, в книге этому вопросу отведено весьма небольшое место, но заслуживают внимания некоторые факты и выводы. Так, автор вполне справедливо указывает, что если бы не было контраступления Красной Армии в июле 1920 года, то поляки не оставили бы Даугавпилс и Илукстский уезд².

Определенный интерес вызывает работа В. Ивановича³, в которой показана роль империалистических государств и в первую очередь роль Франции в попытках создания польско-балтийского союза. Автор переоценил влияние Франции в Латвии, утверждая, что «центром своего политического влияния Франция сделала Польшу и Латвию»⁴.

Книга Л. Иванова проливает определенный свет на судьбу планов создания польско-балтийского союза в связи с соперничеством Англии и Франции⁵. Автор рассматривает, правда, весьма бегло также и позицию буржуазной Латвии по отношению к этим планам.

Революционные деятели латышского народа и другие советские авторы в своих работах довоенного времени планы польско-балтийского союза в основном освещали правильно. Но эти произведения имеют пропагандистский характер или же предусмотрены как справочники по Балтийским странам⁶.

В послевоенный период советские историки внесли ценный вклад в исследование международных отношений. Известное место в их работах отведено также вопросам внешней политики лимитрофов, в том числе и позиции их по отношению к планам польско-балтийского союза. Вполне понятно, что эта проблема интересовала историков, изучающих прошлое буржуазной Латвии и ее внешнюю политику.

Прежде всего следует упомянуть третий том истории Латвийской ССР⁷, в котором отражена антисоветская направленность политики буржуазной Латвии и ее участие в попытках

¹ V. Strauss. Padomju Latvija un starptautiskā kontrrevolūcija. М., 1931.

² Там же, стр. 114.

³ В. Иванович. Советский Союз и Англия в Прибалтике. М., 1927.

⁴ Там же, стр. 11.

⁵ Л. Иванов. Англо-французское соперничество 1917—1927 гг. Москва—Ленинград, 1928.

⁶ J. Daniševskis. Latvijas iekšējais un starptautiskais stāvoklis, «Spartaks», 1928. С. Дашинский. Британский империализм и антисоветский фронт. Госиздат, 1929; С. Л. Гессен. Окраинные государства Польша, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. Ленинград, 1926; В. Гран. Прибалтийские государства, Москва, 1922; А. Мартынов. Заговор британских империалистов против СССР, Москва—Ленинград, 1925; И. Г. Ринг. Латвия, Соцэкгиз, 1936; И. Г. Ринг. Латвийский фашизм в подготовке интервенции. Москва—Ленинград, 1932; А. Сыркин. Государства Прибалтики, Москва, 1925; И. Шубин. Париж—Варшава—Вильно, 1923.

⁷ История Латвийской ССР, т. III, отв. ред. К. Страздинь, Изд. АН ЛатвССР, Рига, 1958.

создания польско-балтийского союза. В этом труде авторы освещают лишь основные моменты.

Значительный вклад в исследование этого вопроса внес В. Сиполс своей работой «За кулисами иностранной интервенции в Латвии»¹. Автор показывает, что главными инициаторами антисоветского союза в Прибалтике были английские и французские империалисты, чьи советы усердно выполняли правительства лимитрофов². Там же отмечено активное участие буржуазной Латвии в попытках создания такого союза. Автор подробно останавливается на работе первых конференций представителей Польши и Прибалтийских стран в конце 1919 года и в начале 1920 года, раскрывает причины неудачи создания этого союза, противоречия союзников по вопросу о составе блока³, а также беспокойство латвийского правительства по поводу агрессивных тенденций во внешней политике Польши⁴. Но основную причину провала этих планов автор видит в миролюбивой политике Советского правительства, которая, «признавая независимость и территориальную целостность Прибалтийских стран, вместе с тем лишила их всякого повода для продолжения вооруженной борьбы против Советской России»⁵ и этим ослабила стремление лимитрофов к польско-балтийскому союзу⁶.

Подробно останавливаясь на Варшавской конференции в марте 1920 года и основательно анализируя ход конференции, автор все же не подчеркивает, что Польша на этой конференции вопрос об условиях мира с Советской Россией использовала как ширму, желая скрыть истинную цель — заключение военного союза с Румынией, Финляндией и Латвией для продолжения интервенции против Советской России. Пытаясь заключить военный союз с Латвией, Польша рассчитывала, во-первых, получить свободный выход к морю через порты Латвии для получения оружия с Запада, и, во-вторых, обеспечить левый фланг польской армии в случае войны с Советской Россией.

Хотя в книге вопрос о польско-балтийском союзе В. Сиполс посвящает только одну главу, в целом же в ней автор дает глубокий анализ событий 1918, 1919 и первой половины 1920 годов в Латвии и помогает правильно понять эту проблему⁷.

¹ V. Sipols. Arvalstu intervence Latvijā un tās aizkulises 1918—1920. R., 1957. (на русском языке сокр. изд. Сиполс В. Я. За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918—1920). М., 1959.)

² В. Я. Сиполс. За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918—1920). М., 1959, стр. 193, 196.

³ Там же, стр. 206.

⁴ Там же, стр. 207.

⁵ Там же, стр. 207.

⁶ V. Sipols. Arvalstu intervence Latvijā un tās aizkulises, 239. lpp.

⁷ После подготовки данной статьи вышла в свет книга В. Сиполса «Тайная дипломатия». (Внешняя политика буржуазной Латвии в 1919—1932 гг.) на латышском языке, в которой уделено много внимания рассматриваемому вопросу.

Ценным исследованием является диссертация А. Варславана о политике Англии в Латвии в 1920—1923 годах¹. Автор раскрывает позицию буржуазной Латвии по отношению к польско-балтийскому союзу в эти годы. Анализируя как политические события, так и экономику буржуазной Латвии, он убедительно показывает ее зависимость от английского империализма. В работе отражены попытки Англии и Франции втянуть буржуазную Латвию в антисоветский союз, а также разногласия в стане империалистов в вопросах, кто может быть участником этого союза. Эти разногласия и явились одной из причин провала антисоветских планов.

Автор показывает, что хотя Англия в целом выступала против союза Прибалтийских стран с Польшей, тем не менее английские политики пытались сколотить такой союз с участием Польши, но только под руководством Англии². Английские империалисты выступали против союза с Польшей, потому что боялись усиления влияния Франции в Прибалтике, так как Польша действовала от имени Франции. В работе раскрыт антисоветский характер планируемого союза и его роль в планах империалистов.

Работа А. Варславана особенно ценна тем, что написана на основании архивных материалов, в большинстве своем использованных впервые.

Вопросы внешней политики правительства буржуазной Латвии коротко и в главных чертах затронуты также в очерках истории Латвийской ССР³. Основное внимание в них авторы уделяют антисоветским тенденциям буржуазной Латвии. Правильно подчеркнута инициатива иностранных империалистов в попытках создания польско-балтийского союза⁴, раскрыты противоречия между странами Прибалтики и Польшей, являющиеся серьезным препятствием на пути к созданию такого союза⁵. Описывая Варшавский политический договор четырех стран — Польши, Эстонии, Финляндии и Латвии, — заключенный в марте 1922 года, Я. Крастыньш отмечает, что этот договор не нашел одобрения в народных массах Латвии, хотя латвийский сейм ра-

¹ А. Я. Варславан. Политика английского империализма в отношении буржуазной Латвии (1920—1923 гг.). Канд. дисс. Ленинград, 1962. Основные идеи отражены в статьях: А. Varlavāns. Anglijas cīņa par buržuāziskās Latvijas iesaistīšanu kopējā imperiālisma pretpadomju frontē 1920.—1923. g. «Latvijas PSR ZA Vēstis», 1962, 8. num., 13—23. lpp. и А. Я. Варславан. К вопросу о влиянии английского капитала на экономику Латвии (1920—1923). Латв. гос. университет им. П. Стучки «Ученые записки», т. 50. Р., 1963, стр. 85—133.

² А. Я. Варславан. Политика английского империализма в отношении буржуазной Латвии (1920—1923). Канд. дисс., стр. 100, 207, 232, 233.

³ А. Drizulis. Buržuāziskās Latvijas pirmie gadi (1920.—1923.), R., 1948; J. Krastiņš. Latvija buržuāziskās republikas laikā (1923—1934), R., 1949.

⁴ J. Krastiņš. Latvija buržuāziskās republikas laikā (1923—1934), R., 1949, 47. lpp.

⁵ Там же, стр. 49.

тифицировал это соглашение¹. Авторы не имели возможности подробнее рассмотреть вопрос о польско-балтийском союзе, выяснить все причины провала его проекта, а также позицию буржуазной Латвии в этом вопросе.

Об этом частично говорится и в сборнике статей «Агрессия американских и западноевропейских империалистов в Латвии»². Здесь позиция буржуазной Латвии по отношению к польско-балтийскому союзу освещена поверхностно, допущены неточности в изложении фактического материала. Так, в статье Я. Крastiņa «Буржуазные националисты — агенты американского и английского империализма» утверждается, что Советское правительство в 1922 году заключило договор о ненападении со странами Прибалтики³. В действительности в 1922 году между РСФСР и Прибалтийскими странами был подписан лишь протокол после Рижского совещания 29—30 марта. В нем участники совещания — представители РСФСР, Польши, Латвии и Эстонии констатировали: «...было бы полезно гарантировать взаимно мирные договоры, заключенные между Россией и Эстонией 2 февраля 1920 года, между Латвией и Россией 11 августа 1920 года, между Польшей и Россией, Украиной и Белоруссией 18 марта 1921 года»⁴. В документах подчеркивалось, что необходимо избегать пограничных конфликтов между странами — участницами совещания⁵. Лишь с Финляндией 1 июня 1922 года было заключено «соглашение о мероприятиях, обеспечивающих неприкосновенность границы»⁶.

Упомянутый сборник в целом содержит материалы, характеризующие политику иностранных империалистов по отношению к Латвии и антисоветскую политику ее буржуазного правительства.

Следует отметить работы и других историков Советской Латвии, которые в той или иной мере освещают эти проблемы⁷.

¹ J. Krastiņš. *Latvija buržuāziskās republikas laikā (1923—1934)*, R., 1949, 49. lpp.

² *Amerikāņu un Rietumeiropas imperiālistu agresija Latvijā*, R., 1954.

³ Там же, стр. 82.

⁴ Документы внешней политики СССР, т. V. М., 1961, стр. 174.

⁵ Там же, стр. 175.

⁶ Там же, стр. 424—431.

⁷ A. Drizulis. *Latvijas ārvalstu militārās intervences un pilsoņu kara posmā 1918—1920.*, R., 1948; A. Drizulis. *Борьба трудящихся масс Латвии за мир с Советской Россией. Известия АН ЛатвССР, 1956, № 7, стр. 5—12; его же. Очерки истории рабочего движения в Латвии 1920—1940 гг.*, М., 1959; K. Graudiņš, A. Leits. *Amerikāņu imperiālisti — latviešu tautas nīknieki ienaidnieki, «Padomju Latvijas Boļševiks», 1952, 12. num.; S. Graūzinis. ASV un Rietumeiropas imperiālistu agresija Latvijā 1918.—1920. Kand. dis. R., 1953; A. Jablonskis. Buržuāziskās Latvijas rašanās un sabrukums. R., 1947; A. Leits. Buržuāziskā Latvija ārzemju kapitāla jūgā (1921.—1929.)*, R., 1957; E. Lidace. *Latvijas Komunistiskā partija buržuāziskās diktatūras pirmajos gados (1920.—1923.)*. Kand. dis., 1964; V. Miške. *Kas ir latviešu buržuāziskie nacionālisti?* R., 1953; J. Piseckis. *Par dažiem buržuāziskās Latvijas ārpolitikas jautājumiem. «Padomju Latvijas Skola», 1950, 11. num.*

В их трудах по вопросам международных отношений и внешней политики буржуазной Латвии сказано лишь мимоходом, в основном, о попытках империалистов Запада сколотить единый антисоветский фронт в Прибалтике.

Сразу же после войны вышел в свет третий том истории дипломатии¹. В нем авторы И. И. Минц и А. М. Панкратова освещают вопросы о том, как империалисты западных стран пытались использовать Прибалтийские страны для борьбы с Советской Россией в 1919—1920 годах. Говоря о важнейших конференциях стран Прибалтики и Польши, они упоминают о их стремлениях создать польско-балтийский союз. И. Минц указывает, что заключенный в Варшаве 17 марта 1922 года политический договор между 4 странами вызвал недовольство некоторых политических кругов Латвии². В целом вопрос о позиции лимитрофов по отношению к польско-балтийскому союзу затронут мало. К тому же И. Минц, как и историки довоенных лет, переоценил влияние Франции в Прибалтике, утверждая, что «роль опекуна этих лимитрофов приняла на себя Франция»³. Нельзя согласиться и с его утверждением, что смерть министра иностранных дел Латвии З. Мейеровица в августе 1925 года помешала созыву конференции Прибалтийских стран и Польши в Ревеле⁴. В действительности же отрицательное отношение Англии к союзу стран Прибалтики с Польшей разрушило попытки министра иностранных дел Эстонии А. Пусты созвать конференцию в Ревеле по вопросу организации такого союза⁵. Эта работа в целом, как и труды, изданные до XX съезда КПСС, написана под определенным влиянием культа личности.

Н. Ф. Кузьмин в своей книге о крушении последнего похода Антанты⁶, характеризуя позицию буржуазной Латвии во время польско-советской войны, указывает, что политика затяжек, которой придерживались представители буржуазной Латвии в мирных переговорах с Советской Россией, вызывала сомнения в миролюбивой политике Латвии. Поэтому советское командование было вынуждено принять меры предосторожности и оставить две дивизии — 48-ю и 18-ю на границе буржуазной Латвии для прикрытия правого фланга северной группы армии. Таким образом, значительно была ослаблена боеспособность этой группы⁷.

Попытки английского империализма создать антисоветский фронт в Прибалтике в 1924—1925 годах, а также позиции отдельных стран по отношению к этим попыткам рассматривает

¹ История дипломатии, т. III (Дипломатия в период подготовки второй мировой войны 1919—1939). Под ред. акад. В. П. Потемкина, М.—Л., 1945.

² Там же, стр. 160.

³ Там же, стр. 105.

⁴ Там же, стр. 356.

⁵ Г. В. Чичерин. Статьи и речи. М., 1961, стр. 453—454.

⁶ Н. Ф. Кузьмин. Крушение последнего похода Антанты. М., 1958.

⁷ Там же, стр. 124.

в своей книге историк С. В. Никонова¹. Этому вопросу она посвятила лишь одну главу, ценную тем, что в ней использованы важные архивные материалы, в том числе и донесения послов буржуазной Латвии.

Определенное внимание к событиям в Прибалтике, в том числе и в Латвии (4 главы из 18), уделил Б. Е. Штейн в своей работе «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции². Автор раскрыл попытки империалистических стран использовать прибалтийские государства для борьбы с Советской Россией, создавая единый фронт всех реакционных сил в Прибалтике, а также провал этих планов. В работе подчеркнута, что нежелание народов Прибалтики воевать против Советской России, а также миролюбивая политика Советского правительства были основными причинами провала империалистических планов. Книга содержит список литературы, периодических изданий и других официальных документов и их обзор.

Этот же вопрос Б. Е. Штейн освещает и во второй своей работе, изданной в 1958 году³.

Кроме упомянутых трудов, советская историография располагает целым рядом произведений, лишь косвенно затрагивающих вопросы внешней политики буржуазного правительства Латвии. Но эти работы помогают понять события в Восточной Европе, а вместе с тем и внешнюю политику этого государства⁴.

Буржуазные историки были не в состоянии научно обосновать и исследовать позиции Латвии по отношению к польско-балтийскому союзу. Да и понятно, ибо вопрос этот затрагивал

¹ С. В. Никонова. Антисоветская внешняя политика английских консерваторов (1924—1929), М., 1963.

² Б. Е. Штейн. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.), Госполитиздат, 1949.

³ Б. Е. Штейн. «Русский вопрос» в 1920—1921 гг. Госполитиздат, М., 1958.

⁴ Х. Т. Арумязь. Внешняя политика буржуазной Эстонии в 1920—1925 гг. Автореферат, Таллин, 1960; А. Березкин. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920). Изд. 2, доп., М., 1952; Ф. Волков. Англо-советские отношения 1924—1929 гг. М., 1958; Ф. Волков. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917—1924). М., 1954; С. Ю. Выгодский. Внешняя политика СССР 1924—1939 гг. М., 1963; Ф. Г. Зуев. Международный империализм — организатор нападения панской Польши на Советскую Россию (1919—1920 гг.) М., 1954; История международных отношений и внешней политики СССР 1917—1939 гг., т. I, М., 1961; История Польши, т. III, М., 1958; А. Е. Кунина. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М., 1951; И. М. Лемин. Внешняя политика Великобритания от Версаля до Локарно 1919—1925 гг. М., 1947; С. Я. Лопатнюк. Политика Польши в отношении Советского Союза 1925—1932 гг. Канд. дисс. М., 1962; Н. Л. Рубинштейн. Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921—1922). М., 1948; Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Советского Союза в 1921—1925 гг. М., 1953; В. Т. Трухановский. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма 1918—1939 гг. М., 1962; В. М. Хайцман. Дипломатическая борьба вокруг проблемы разоружения в 1920—1931 гг. М., 1946.

самое существование буржуазного государства и роль его в стане империалистов. Вот почему в двадцатых годах так и не появилось ни одного крупного труда по истории Латвии. Вынужден был признать это также один из идеологов буржуазной школы — профессор А. Тентелис¹.

Отдельные произведения, касающиеся этого периода, представляют собой яркий пример фальсификации истории. В этом отношении заслуживает внимания статья одного из лидеров Крестьянского союза А. Кливе «З. Мейеровиц и Балтийский союз»². Она помещена в сборнике, посвященном памяти министра иностранных дел Латвии З. Мейеровица. В ней автор полностью умалчивает о роли иностранных империалистов в попытках создания польско-балтийского союза, а З. Мейеровица старается изобразить как активного и последовательного сторонника этого союза. «Entente cordiale» у него был принципом, с которым надо считаться при решении всех внешнеполитических вопросов»³, — пишет Кливе и добавляет, что «вряд ли кто-нибудь сделает больше для достижения намеченной цели, чем сделал З. Мейеровиц для создания Балтийского союза»⁴. Автор подчеркивает старание его добиться соглашения между Литвой и Польшей и отмечает, что после неудачи он высказался за соглашение с Польшей⁵. А. Кливе пишет, что после провала Варшавского договора встал вопрос о реализации «Малой программы», то есть, союза Латвии, Литвы и Эстонии, или Латвии, Эстонии и Финляндии, но что Мейеровиц после недолгих переговоров с заинтересованными государствами отбросил «Малую программу»⁶. Таким образом, З. Мейеровиц изображался как последовательный сторонник польско-балтийского союза. На самом деле отношение его к польско-балтийскому союзу менялось в зависимости от позиции, занимаемой союзниками в этом вопросе (в первую очередь от позиции Англии). Это ярко проявилось в период подготовки конференции в Хельсинки в 1925 году, когда З. Мейеровиц, учитывая пожелания Англии, старался убедить министра иностранных дел Эстонии А. Пусту не объединяться в один союз с Польшей⁷.

В статье А. Кливе нет ни слова о целях союза, о причинах неудачи с его созданием, умалчивается и о конференции в Хельсинки в 1925 году и о совещаниях представителей генштабов.

¹ А. Tentelis. Kas darīts un nodomāts Latvijas vēstures pētīšanā. «Latvijas Vēstures Institūta Zurnāls», 1938, 4. (8.) num., 501. lpp.

² А. Klīve. Z. Meierovics un Baltijas valstu savienība. Krājumā «J. Meierovics. Latvijas pirmā ārlietu ministra darbībai veltīts rakstu krājums», E. Virzas red. R., 1935.

³ Там же, стр. 39.

⁴ Там же, стр. 40.

⁵ Там же, стр. 61.

⁶ Там же, стр. 62.

⁷ Документы внешней политики СССР, т. VIII, М., 1963, стр. 21—22.

Из материалов этого сборника следует отметить статью А. Бирзниека «Воспоминания о Восточной политике З. Мейеровица». В ней автор весьма робко признает, что союзники были заинтересованы в том, чтобы не допустить сотрудничества между Германией и Россией и поэтому старались создать «зону независимых стран между Германией и Россией»¹. Других аргументов по этому вопросу автор не приводит. Заслуживает внимания изданная на русском языке книга А. Бильмана «Новая Латвия»². «Во внешней политике Латвии доминирует идея балтийского союза, — пишет автор, — причем надо отметить некоторые нюансы в этом, а именно: одна часть общественного мнения стоит за малый союз, т. е. за союз с Эстонией и Литвой, остальная — за более широкий союз, за союз с участием Финляндии и Польши»³. Однако, описывая конференции Прибалтийских стран, он всячески замалчивает обсуждение на них этого вопроса. Автор также дает много фактов, не анализируя их.

Таким образом, историки буржуазной Латвии всеми силами пытались доказать независимость своей страны и скрыть роль западных стран в ее политике. Это было выгодно правящим кругам и признавалось правильным, особенно после фашистского переворота Ульманиса в 1934 году. Упомянутый выше А. Тентелис писал: «Начиная с 1934 года учебники по истории более подходящи для национального воспитания...»⁴. Там же он утверждает, что такое «приспособление» учебников «не повредило исторической правде»⁵. Таким образом, он сознательно оправдывал фальсификацию истории.

Из работ зарубежных буржуазных авторов только в некоторых затронут рассматриваемый вопрос. Но и в них постановка его свидетельствует о намерениях фальсифицировать историю. Надо отметить, что буржуазные историки стремились скрыть роль государств Антанты в попытках создания антисоветского союза и изобразить их как дело самих лимитрофов. Они хотели изобразить СССР как агрессора, который все время угрожал окраинным государствам, против которого эти государства вынуждены были искать средства защиты.

Почти в каждой работе буржуазных историков в разных вариантах повторяются эти лживые, ничем не обоснованные утверждения.

В первую очередь следует упомянуть книгу английского буржуазного историка А. Тойнби «Обзор международных отноше-

¹ А. Бирзниека. *Atmiņas par Z. Meierovica Austrumpolitiku*. В сб.: *Latvijas pirmā ārlietu ministra darbībai veltīts rakstu krājums*. E. Virzas red. R., 1935.

² А. Бильман. «Новая Латвия», Рига, 1926.

³ Там же, стр. 74.

⁴ «*Latvijas Vēstures Institūta Zurnāls*», 1938, 4.(8.) num., 493. lpp.

⁵ Там же.

ний в 1920—1929 годах»¹. Автор ее одним из первых создает живую концепцию об агрессивности Советской России². Оставаясь верным апологетом британского империализма, он умалчивает о роли Англии в Прибалтике, но зато признает, что Франция с помощью Польши мечтала укрепить свое влияние в Прибалтике³. Автор вместе с тем отмечает, что Латвия и Эстония опасались быть втянутыми в войну с Советским Союзом вследствие агрессивной внешней политики Польши и потому отнеслись с недоверием к союзу с Польшей⁴. Таким образом, он невольно признает агрессивный характер планируемого польско-балтийского союза.

Более откровенен Э. Ньюмен в своей книге «Британия и Прибалтика»⁵. Он также утверждает, что страх перед Советской Россией заставлял Эстонию и Латвию высказываться за балтийский союз с участием скандинавских стран или даже Польши⁶. Но автор не может обойти интересы Великобритании в Прибалтике и выражает беспокойство о возможности сотрудничества между Германией и Советской Россией. Он признает, что Англия поддерживает Прибалтийские страны, чтобы сохранить свое господство над Балтийским морем по отношению к России⁷. Там же он пишет, что трудно договориться с Польшей, ибо дорога в Варшаву ведет через Париж⁸. Этими признаниями автор в значительной мере раскрывает планы империалистов в Прибалтике: сохранить и укрепить позиции против Советского Союза.

Не менее характерной работой является обзор «Государства Прибалтики», подготовленный отделом информации Королевского института международных отношений Великобритании⁹. Авторы этого обзора признают, что государства Прибалтики образуют буфер между Германией и Россией¹⁰. Они без всякого основания утверждают, что Латвия и Эстония боялись России и надеялись на поддержку Балтийского союза. При этом, как и следовало ожидать, они отрицают роль иностранных империалистов в попытках создания такого союза, изображая это делом самих Прибалтийских стран¹¹. В работе также не рассмотрены причины провала этих попыток. Здесь можно найти лишь ука-

¹ A. J. Toynbee. Survey of the International Affairs, 1920—1925. London, 1925.

² Там же, стр. 239.

³ Там же, стр. 245.

⁴ Там же, стр. 244.

⁵ E. W. Newman. Britain and the Baltic, London, 1930.

⁶ Там же, стр. 99.

⁷ Там же, стр. 219.

⁸ Там же, стр. 223.

⁹ The Baltic States. A Survey of the Political and Economical Structures and of the Foreign Relations of Esthonia, Latvia and Lithuania. London, 1938.

¹⁰ Там же, стр. 4.

¹¹ Там же, стр. 66.

зания на сдержанность Финляндии к проектам Балтийского союза и на отрицательное влияние виленского конфликта¹.

Инициативу союзников в попытках сколачивания антисоветского блока «не видят» также многие другие буржуазные историки².

Многие историки повторяют антисоветские измышления об агрессивности Советского Союза, изображая при этом планы антисоветских союзов как необходимое средство защиты³. Нетрудно опровергнуть эти измышления. Опровергли их, кстати, те страны, которым, по словам апологетов империализма, угрожал Советский Союз. Возьмем хотя бы вооруженное восстание рабочих Таллина 1 декабря 1924 года, которое часто приводится в качестве аргумента для обоснования агрессивности Советского Союза. О непричастности Советского Союза к событиям в Таллине свидетельствует заявление министра иностранных дел Латвии З. Мейеровица в беседе его с министром иностранных дел Эстонии А. Пустой в начале января 1925 года. З. Мейеровиц упрекал перепуганного восстанием Пусту в том, что «...они в своей нервозности не отметили положительной стороны ревельских событий, а именно лояльного отношения СССР как государства»⁴. Всякую угрозу извне, о которой так много писали буржуазные историки, З. Мейеровиц еще раз отрицал в своем докладе по международному положению на так называемом празднике «de jure» в январе 1925 года. Он заявил: «Латвии... никакая опасность не угрожает и никто не собирается нападать на нее»⁵.

В то же время, как свидетельствуют документы, западные государства имели весьма агрессивные намерения по отношению к Советскому Союзу, в которых немаловажная роль отводилась также союзу стран Прибалтики. 21 января 1924 года латвийский посланник в Англии Г. Бисениекс писал в МИД Латвии, что Англия весьма заинтересована в установлении тесного сотрудничества между балтийскими и скандинавскими государствами. «Можно полагать, — говорилось в его донесении, — что Англия приложит все силы к тому, чтобы содействовать созданию такого блока. Если бы это удалось, Англия стала бы определяющей силой в водах Балтийского моря. Если бы таким путем Англия смогла установить господство над Балтийским морем, то ей не нужно было бы много беспокоиться в отношении России, так как

¹ The Baltfc States. A Survey of the Political and Economical Structures and of the Foreign Relations of Esthonia, Latvia and Lithuania. London, 1938, стр. 64.

² Buchan J. ed. Baltic and Caucasian States, Boston, New York, 1923, etc.

³ A. J. Dennis. The Foreign Policies of Soviet Russia, New York, 1924.

Mowat R. B. A History of European Diplomacy 1914—1925. London, 1927.

O. Rutter. The New Baltic States and their Future, London, 1925.

⁴ Документы внешней политики СССР, т. VIII, М., 1963, стр. 22.

⁵ «Valdības Vēstnesis», № 22, 1925.

угрозой высадки десанта в Петрограде она могла бы добиться осуществления своих намерений»¹.

Некоторые буржуазные авторы не в состоянии скрыть роль западных государств в определении внешней политики лимитрофов, но делают это очень робко². Исключением являются работы прогрессивных буржуазных историков — супругов В. и З. Коутс (Англия), которые на фактическом материале разоблачают истинную политику западных стран по отношению к лимитрофам. К сожалению, рассматриваемый вопрос в этих работах затронут недостаточно³.

Усердно служа империалистам Западной Европы и США, буржуазно-националистические латышские эмигранты стараются использовать все средства для опорочивания Советского Союза, подрыва дружбы народов нашей страны. Для этой цели они не отказываются даже от прямой фальсификации истории буржуазной Латвии.

Латышские белоэмигранты усердно повторяют уже рассмотренные антисоветские измышления иностранных буржуазных историков. Их писания проникнуты духом вражды к народу Советской Латвии, к могучему Советскому Союзу, к советскому строю. Буржуазная Латвия изображается как независимое государство, которому все время угрожал Советский Союз, и потому, мол, она должна была искать средства защиты — организовать Балтийский союз.

Надеясь на реставрацию господства буржуазии в Латвии путем империалистической агрессии против Советского государства, белоэмигранты льстят империалистам. Они стараются подчеркивать роль буржуазной Латвии как буфера против коммунизма, стремятся доказать целесообразность реставрации капитализма в Латвии. Бывает и так, что один и тот же автор по-разному оценивает внешнюю политику буржуазной Латвии. До уровня такого политического хамелеона докатился известный буржуазный историк А. Швабе. В своей антисоветской брошюре «Латвия за тридцать лет» (1918—1948)⁴, изданной в Западной Германии в 1948 году, он, продолжая маскировку действительной роли западных империалистов в Латвии, утверждал: «Еще до окончательного решения союзников Балтика своими силами разрешила «русский вопрос» и от Северного моря до Черного воздвигла защитный вал против восточного империализма»⁵. Этим Швабе хотел доказать, что страны Прибалтики самостоя-

¹ Документы внешней политики СССР, т. III. (Примечания.), стр. 763—764.

² M. V. Graham. The Diplomatic Recognition of the Border States, California, 1939.

³ W. P. Coates and Z. K. Coates. Armed Intervention in Russia 1918—1922. London, 1935; Coates Z. K. and W. P. Russia, Finland and the Baltic, London, 1940.

⁴ A. Svābe. Latvija 30 gadus. 1918.—1948., Vācijā, 1948.

⁵ Там же, стр. 16.

тельно, без помощи и ведома западных стран, сами решили вопрос о своем государственном существовании. Это не мешало тому же Швабе в 1953 году в изданном в США на английском языке сборнике статей всячески превозносить деятельность английских представителей в Латвии в 1919 году¹.

Подобные старания реакционных белоэмигрантов вполне понятны: ведь не секрет, для какой цели на Западе и в первую очередь в США содержатся никого не представляющие представительства, организуются и проводятся недели «порабощенных» народов и т. д.

Свою роль лакеев империализма белоэмигранты особенно и не скрывают. Рецензируя книгу А. Спекке «История Латвии», изданную на английском языке, бывший доцент Латвийского университета (буржуазной Латвии) Б. Аберс писал: «В структуре последних глав, а также в оценке вещей автор иногда пользуется слишком субъективными суждениями, но это только человечно, потому что не в наших силах писать о новейших временах вне наших политических и других симпатий»².

В статье А. Швабе «Внешняя политика», помещенной в «Латышской энциклопедии»³, приводится характеристика внешней политики буржуазной Латвии с точки зрения латышских белоэмигрантов. В ней в известной мере отражаются уже упомянутые выше положения. А. Швабе вынужден признать, что страны Прибалтики прекратили мирные переговоры с Советской Россией в сентябре и октябре 1919 года по требованию союзников, рассматривавших эти переговоры как предательство и угрожавших блокадой. Но на той же странице Швабе без всякого обоснования патетически утверждает (правда, в более туманной форме), что «страны Прибалтики сами в короткое время сумели разрубить этот труднейший узел Восточной Европы»⁴, то есть разрешить вопрос о своем существовании. Далее, автор фактически опровергает это утверждение сообщением, что комиссия по делам Прибалтики на Парижской мирной конференции в своей рекомендации уже 23 июля 1919 года поставила перед внешней политикой Прибалтийских стран следующую задачу: быть защитным валом между большевизмом и германским «Drang nach Osten», для чего необходимо тесное сотрудничество этих новых государств друг с другом и с Антантой⁵. Таким образом, он невольно раскрывает заинтересованность союзников в существовании буржуазных прибалтийских государств. Признав, что союзники рекомендо-

¹ Sk. Cross Road Latvia, edited by Edgars Andersons, Wawerly, Iowa, USA, 1953, p. 314.

² «Ceļa zīmes», 1951, 8. num., стр. 314.

³ Latvju enciklopēdija, I sēj., Stokholma, 1950.—1951.

⁴ Там же, стр. 103.

⁵ Там же, стр. 105—106.

вали тесное сотрудничество новых государств, автор далее как бы характеризует попытки буржуазной Латвии выполнить эти пожелания. А. Швабе пишет, что З. Мейеровиц, реально оценивая обстановку, уже весной 1920 года предложил созвать конференцию Прибалтийских стран для создания Балтийского союза, идею которого «...из великих держав особенно поддерживает Франция»¹.

А. Швабе изображает правительство буржуазной Латвии активным сторонником «большого» союза с Польшей². Автор не скрывает антисоветский характер этого союза³. Он видит только две причины неудачи реализовать планы о союзе — сдержанность Финляндии и польско-литовский конфликт. В статье чувствуются ненависть к Советскому Союзу и попытки очернить его. Подобные антисоветские выпады А. Швабе допускает и в других своих работах⁴.

Несколько работ по истории Латвии принадлежат одному из активнейших буржуазно-националистических фальсификаторов истории латышского народа, бывшему послу Латвии в США А. Бильманису⁵. Более характерной является его последняя книга «История Латвии», в которой автор затронул вопрос о внешней политике этого государства, о его задачах. А. Бильманис отмечает, что одной из ведущих идей для буржуазной Латвии в области международных отношений в это время была идея создания Балтийского регионального блока⁶. Автор всячески превозносит решения Булдурской конференции 1920 года и пишет, что только отказ Польши и Финляндии ратифицировать эти решения сорвал «далеко идущие планы»⁷. Но основные причины неудачи в создании союза автор все-таки видит в польско-литовском конфликте и в сдержанности Финляндии, которая выступала за союз со Скандинавскими странами⁸. Автор таким образом скрывает роль западных стран как инициаторов создания союза и старается изобразить этот союз как средство защиты против каких-то агрессивных устремлений Советского Союза. К тому же в работе А. Бильманиса следует отметить грубое извращение фактов. Так, он утверждает, что в январе 1920 г. поляки с 20 тысячами солдат пришли на помощь стотысячной армии Латвии для борьбы с советской властью в Лагалии⁹.

¹ Latvju enciklopedijas I. sēj., Stokholma, 1950.—1951., стр. 106.

² Там же, стр. 114.

³ Там же, стр. 106.

⁴ А. *Svābe*. *Kāda divdesmitā gadsimtena mīta sākums un gals*. «Ceļa zīmes». Londona, 1952, 403.—407. num.

⁵ А. *Bilmanis*. *The Baltic States and the Baltic Sea*. Washington, 1943; *Bilmanis A. Latvia as an Independent State*. Washington, 1947; *Bilmanis A. A History of Latvia*. Princeton, 1951.

⁶ А. *Bilmanis*. *A History of Latvia*, p. 340.

⁷ Там же, стр. 341.

⁸ Там же, стр. 383.

⁹ А. *Bilmanis*. *A History of Latvia*, p. 340.

На деле же в этих военных операциях в Латгалии со стороны Польши участвовало 30 тысяч солдат и офицеров, а со стороны буржуазной Латвии всего 10 тысяч солдат и офицеров¹.

А. Спекке в своей книге «История Латвии»² также старается доказать необходимость оборонительного союза, который состоял бы из трех Прибалтийских стран, а также Финляндии и Польши³. Автор к тому же «не видит» роли союзников в попытках создания этого союза. Причинами неудачи, как и другие белоэмигрантские авторы, он считает сдержанность Финляндии и польско-литовский конфликт. А. Спекке отмечает также попытки Германии сорвать создание тесного союза⁴.

В своих стремлениях очернить Советский Союз, изобразить его агрессором, белоэмигрантские писатели не брезгают никакими средствами. В своих воспоминаниях Ж. Унамс⁵ признает, что он помог бывшему генеральному секретарю Министерства иностранных дел Латвии Г. Албату пустить в ход легенду о замыслах Советского Союза захватить Латвию и Эстонию в 1923 году. Это утверждение потом повторялось в белоэмигрантской литературе как достоверный аргумент.

Как исключение, надо отметить работу Г. Мейксина⁶, в которой автор, ссылаясь на документы, показывает роль стран Прибалтики в антисоветских планах западных империалистов⁷. Автор утверждает, что и Прибалтийские государства были вассалами и полуколониями Великобритании⁸. Г. Мейксин указывает на стремления Франции в 1920—1925 годы установить гегемонию Польши в Прибалтике путем создания антисоветского Балтийского союза⁹. В работе также показано противодействие Англии таким попыткам¹⁰.

Попытки английского империализма использовать буржуазную Латвию для борьбы с Советской Россией в известной мере признает Э. Андерсон в своей статье «Английская политика в государствах Прибалтики в 1919—1920 гг.»¹¹. Автор также не в силах скрыть лакейскую угодливость правителей буржуазной Латвии. Он отмечает, что весной 1919 года председатель Народного Совета Я. Чаксте предлагал создать цепь буферных государств

¹ Центральный Государственный исторический архив ЛССР, ф. 6033, оп. 1, д. 12, л. 1.

² *Arnolds Spekke. History of Latvia on Outline*, Stockholm, 1957.

³ Там же, стр. 377.

⁴ Там же.

⁵ *Z. Unams. Laiku atspulgā. Oldenburgā*, 74.—75. lpp.

⁶ *G. Meiksins. The Baltic Riddle. Finland, Esthonia, Latvia, Lithuania*. New York, 1943.

⁷ Там же, стр. 72, 73.

⁸ Там же, стр. 73.

⁹ Там же, стр. 74.

¹⁰ Там же, стр. 76.

¹¹ *E. Andersons. Angļu politika Baltijas valstīs 1918.—1920. «Ceļa zīmes»*, 1956, 32. num., 289. lpp.

от Балтийского до Черного моря¹, а З. Мейеровиц предлагал сформировать из латышских солдат, находившихся в Мурманске и Архангельске, латвийский легион. Эти города были заняты войсками интервентов². Хотя автор приводит эти факты в подтверждение заслуг буржуазной Латвии в борьбе против Советской власти, они только еще раз показывают рабскую зависимость буржуазной Латвии от западных империалистов и готовность нынешней буржуазно-националистической эмиграции к выполнению приказов своих хозяев.

В послевоенное время лишь немногие зарубежные буржуазные авторы писали о польско-балтийском союзе и позиции лимитрофов по отношению к нему. Реакционное крыло этих историков продолжает фальсифицировать историю, изображая Советский Союз агрессором, и т. д.³ Но есть и такие работы, в которых более или менее правильно освещается вопрос о позиции буржуазной Латвии к созданию польско-балтийского союза, а также роль западных империалистов в попытках создания этого союза⁴. Вся писанина буржуазных зарубежных авторов и латышских белоэмигрантов свидетельствует о грубой фальсификации вопросов внешней политики Латвии.

Для того чтобы полностью разоблачить антинаучные концепции латышских буржуазных националистов и их историков, дать правильную оценку этим вопросам, — необходимы глубокие исторические исследования позиции буржуазной Латвии в отношении польско-балтийского союза.

¹ E. Andersons. Angļu politika Baltijas valstīs 1918.—1920. «Ceļa zīmes», 1956, 32. num., 289. lpp.

² Там же, стр. 285.

³ B. Meissner. Die Sowjetunion, die baltischen Staaten und das Völkerrecht. Köln, 1956.; G. von Rauch. Die baltischen Staaten und Sowjet-Rußland. 1919.—1939. «Europa Archiv» Nr. 17, 1957.

⁴ E. A. Carr. History of Soviet Russia. The Bolshevik Revolution 1917—1923. London, 1950. Page Stanley W. The Formation of the Baltic States. Cambridge, 1959.

СОДЕРЖАНИЕ

1. *О. М. Ниедре*, Вклад советской исторической науки в изучение революционного движения в Латвии в период первой мировой войны (1914—1917 гг.). 3
2. *А. Д. Ролова*, канд. ист. наук. Послевоенная буржуазная историография о роли церкви и религии при завоевании Прибалтики в XIII веке. 20
3. *М. М. Духинов*, канд. ист. наук. О меморандуме Кришьяна Валдемара. 40
4. *К. Я. Поч*. Позиция буржуазной Латвии в вопросе о польско-балтийском союзе (1920—1925 гг.). 46

Латвийский государственный университет
ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ ЛАТВИЙСКОЙ ССР

Редактор *М. Козьмина*. Худ. редактор *А. Озолина*. Техн.
редактор *Б. Пога*. Корректор *И. Самборская*.

Сдано в набор 27 апреля 1966 г. Подписано к печати
16 февраля 1967 г. Формат бумаги 60×90/16. 4,25 физ.
печ. л. 4,25 усл. печ. л. 4,61 уч. изд. л. Тираж 550 экз.
ЯТ 03561. Цена 28 коп. Издательство «Звайгзне», г. Рига,
бульвар Падомью, 24. Изд. зак. № 60-89. Отпечатано
во 2-й типографии Управления полиграфической промыш-
ленности Комитета по печати при Совете Министров Лат-
вийской ССР, г. Рига, ул. Дзирнаву 57. Заказ № 1431.

44 / 1066

LĀTVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0508043477